

Дональд Майкл Томас
Белый отель
Серия «Азбука Premium»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129057

Д.М. Томас. *Белый отель*: Азбука, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-07719-5, 978-5-389-06345-7

Оригинал: D. Thomas, "The White Hotel"

Перевод:

Георгий Яропольский

Аннотация

Вашему вниманию предлагается один из самых знаменитых романов современной английской литературы. Шокировавший современников откровенностью интимного содержания, моментально ставший бестселлером, вошедший в шорт-лист Букеровской премии и переведенный на тридцать языков, «Белый отель» строится как история болезни одной пациентки Зигмунда Фрейда. Проследившая ее судьбу, роман касается самых болезненных точек нашей общей истории и вызывает у привыкшего, казалось бы, уже ко всему читателя эмоциональное потрясение.

Лишь мистическим совпадением можно объяснить то, что «Белый отель» до сих пор не добрался до большого экрана – хотя интерес к его постановке в разное время проявляли Бернардо Бертолуччи и Эмир Кустурица, Дэвид Линч и Педро Альмодовар, Теренс Малик и Дэвид Кроненберг, а на главные роли заявлялись Энтони Хопкинс, Мерил Стрип, Барбра Стрейзанд, Изабелла Росселлини, Жюльет Бинош. Ну а после того, как при таинственных обстоятельствах умерли сперва актриса Бриттани Мёрфи, а затем и ее муж режиссер Саймон Монджек, затеявшие новую попытку экранизации этого произведения современной классики, стали поговаривать о «голливудском проклятии "Белого отеля"»...

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть 1	12
1	12
2	15
3	18
4	21
Часть 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Д. М. Томас Белый отель

*Сердце вскормлено хлебом фантазий,
И жестокость отныне в крови;
Вкус насилья, вражды, безобразий
Притягательней пресной любви...*

У. Б. Йейтс. Размышления во время гражданской войны

Крайне оригинальный, исключительный роман. Ничего подобного — что в идейном, что в техническом плане — мне не попадалось ни разу в жизни. «Белый отель» стоит особняком.

Грэм Грин

Роман потрясающей интеллектуальной силы, доподлинный триумф творческого воображения.

Салман Рушди

Удивительно органичное сочетание откровенной чувственности стойким историческим чутьем на ужасы недавнего прошлого, решенное с поистине сновидческой легкостью, непринужденностью.

Джон Андайк

Странный и удивительный роман... превосходно написанный... блистательно оригинальный.

Джон Гарднер

Книга, ошеломляющая своим эмоциональным зарядом... она как башня возвышается над большинством английских романов последних лет.

Publishers Weekly

Роман очень редкой красоты и целостности... Выполнено искусно, уверенно, без видимых швов и стыков... Язык его захватывает, и все здание выстроено очень прочно.

Village Voice

«Белый отель» — это напоминание о том, что беллетристика может поражать... что скачок воображения иной раз действительно может стать безграничным полетом.

Time

От автора

Углубляясь в ландшафты истерии – которая является «территорией» этого романа, – нельзя не повстречаться с величественной фигурой Зигмунда Фрейда. По существу, Фрейд выступает одним из действующих лиц как открыватель великого и прекрасного современного мифа – психоанализа. Под мифом я разумею поэтическое, драматическое выражение тайной истины; подчеркиваю это, ибо не имею намерений оспаривать научную ценность психоанализа.

Роль, исполняемая Фрейдом в этом повествовании, целиком вымышлена. Тем не менее в жизни моего воображаемого Фрейда есть параллели с общеизвестными событиями из жизни настоящего Фрейда, и я *passim*¹ цитировал его работы и письма.

Письма «Пролога» и все отрывки, относящиеся к психоанализу (включая часть 3, представляющую собой историю болезни, литературно обработанную Фрейдом), не имеют фактической основы. Читатели, не знакомые с подлинными историями болезней, – которые, помимо всего прочего, являются мастерски написанными литературными произведениями, – могут обратиться к сочинениям самого Фрейда.

Считаю своим долгом выразить благодарность за использование в части 5 материалов из книги Анатолия Кузнецова «Бабий Яр» (New York: Dell Publishers, 1967; London: Jonathan Cape, 1970), в частности свидетельства Дины Проничевой.

Д. М. Т.

¹ Повсюду, в разных местах (лат.). (Здесь и далее примечания переводчика. Кроме части 3, где примечания переводчика выделены специально по модулю большого количества авторских примечаний – как бы от лица Фрейда и как бы от лица редактора. Последние даны в квадратных скобках.)

Пролог

*США, Массачусетс, Вустер,
отель Стендиш.
8 сентября 1909 г.*

Дорогая Гизела,

Самый горячий, самый трепетный и страстный поцелуй шлю тебе я – из Нового Света! Из-за разъездов, приемов, лекций, почестей (оказываемых, естественно, главным образом Фрейду и, в меньшей степени, Юнгу) времени нет даже на то, чтобы высморкаться, и голова у меня идет кругом. Но уже яснее ясного, что Америка жаждет принять наше движение. Брилл и Холл – отличные парни, а в Университете Кларка все просто подавляют нас добротой и лестными словами. Фрейд даже меня поразил своим великолепным искусством – он прочел пять лекций безо всяких записей, обдумав их во время нашей получасовой прогулки. Вряд ли надо добавлять, насколько глубокое впечатление он произвел. Юнг тоже прочел две прекрасные лекции – о своей собственной работе, без единого упоминания имени Фрейда. Хотя мы втроем, в общем-то, неплохо ладим между собой, иногда, при неблагоприятных обстоятельствах (в числе которых могу назвать и приступы поноса в Нью-Йорке!), в отношениях между Юнгом и Фрейдом чувствуется некоторое напряжение. Я расскажу об этом подробнее чуть погодя.

Но ты, наверное, хочешь услышать о самом путешествии. Это было великолепно, но мы почти ничего не видели. Сразу же опустился густой летний туман. Правда, он тоже произвел впечатление, особенно на Юнга, которого захватила идея о «допотопном монстре», неуклюже бредущем в потемках к своей цели, и ощущение, будто мы оказались в доисторическом прошлом. Фрейд подтрунивал над ним – дескать, он христианин, а потому склонен к мистике (участь, которой, по его мнению, избежали евреи), но признал, что и сам чувствует нечто подобное, глядя в пустой иллюминатор и слушая то, что он назвал «брачным зовом корабельных сирен». Тем более впечатляющим и невероятным оказался Нью-Йорк, возникший из этой темноты. Нас встретил Брилл; он показал нам кучу интересных вещей, но мне ничто так не понравилось, как движущиеся картинки, «кино». Несмотря на рези в желудке, я нашел его весьма занимательным; в основном показывали комичных полицейских, преследующих еще более комичных злодеев. Не бог весть какой сюжет, но люди действительно движутся как живые. Фрейд, я думаю, был не очень-то впечатлен!

Да, должен рассказать тебе о довольно необычном происшествии в Бремене накануне нашего отъезда. Мы от души радовались тому, что нам удалось встретиться, и, естественно, все были взволнованы предстоящими приключениями. Фрейд давал обед в роскошном отеле, и мы убедили Юнга оставить свою обычную воздержанность и выпить с нами вина. Возможно, из-за того, что не привык к выпивке, он сделался неожиданно разговорчивым и воодушевленным. Завел речь о каких-то «останках в торфяных болотах», вроде бы найденных в Северной Германии. Говорят,

что это тела доисторических людей, мумифицированные из-за того, что в болотной воде содержалась гуминовая кислота. Похоже, что люди утонули в этих болотах или были там похоронены. Что ж, это было довольно-таки интересно или было бы таковым, не повторяй Юнг этого снова и снова. В конце концов Фрейд, взорвавшись, несколько раз спросил: «Почему тебя так занимают эти трупы?» Но Юнг был по-прежнему полностью захвачен своим рассказом, и Фрейд соскользнул со стула, упав в обморок.

Бедняга Юнг был очень расстроен таким оборотом дел – да и я тоже – и не мог понять, что он сделал не так. Придя в себя, Фрейд обвинил его в попытке вывести его из равновесия. Юнг, конечно, категорически это отрицал. Он и в самом деле добрый, славный товарищ, намного приятнее, чем можно ожидать при виде его короткой стрижки и очков в золотой оправе.

Другая размолвка случилась на корабле. Мы развлекались (во время тумана!) толкованием своих снов. Юнг очень заинтересовался сном Фрейда, в котором его свояченице (Минне) приходилось, как крестьянке при сборе урожая, скирдовать пшеницу, а его жена смотрела на это сложа руки. Юнг довольно бестактно требовал дальнейшей информации. Он дал понять, что связывает сон с теплыми чувствами, которые Фрейд испытывает по отношению к младшей сестре своей жены. Меня неприятно удивило то, что он так осведомлен о семейных делах Фрейда. Фрейд, естественно, был выбит из колеи и заявил, что не хочет, как он выразился, «рисковать авторитетом», вынося на обсуждение что-то еще более личное. Юнг сказал мне позже, что именно в тот момент Фрейд потерял свой авторитет, по крайней мере для него. Думаю, мне все-таки удалось сгладить неловкость, и сейчас они снова в хороших отношениях. Но какое-то время я чувствовал себя судьей на ринге! Между ними все очень непросто, но, прошу тебя, держи это в тайне.

Мой собственный сон (единственный, который я запомнил) был о каком-то обыденном детском разочаровании. Фрейд, конечно, с легкостью угадал, что сон связан с тобой, дорогая. Он понял самую суть: я боюсь, что твое решение не разводиться с мужем, пока твои дочери не выйдут замуж, самообман с твоей стороны, – ты просто не хочешь закреплять наши долгие отношения такими прочными узами, как узы брака. Что ж, ты знаешь о моих опасениях, и ты сделала все возможное, чтобы их развеять; но, как видишь, я не смог избежать сновидений об этом во время нашей разлуки (а может быть, это угнетающе действовал морской туман). Фрейд, как всегда, сильно помог мне. Скажи Эльме, что он был тронут ее добрыми пожеланиями и до глубины души рад тому, что она находит его анализ таким полезным. Он также передает свое расположение тебе – он добродушно заметил, что если мать может сравниться с дочерью очарованием и умом (я заверил его, что это так!), то мне можно позавидовать... Ну, это-то я знаю! Обними и поцелуй за меня Эльму и передай поклон мужу.

На следующей неделе мы собираемся поехать к Ниагарскому водопаду (Фрейд считает это главным событием всей поездки), а потом, менее чем через две недели, отправимся в путь на «Кайзере Вильгельме». Может случиться так, что я окажусь в Будапеште раньше, чем письмо; не могу

передать, как я жажду заключить тебя в объятия. Пока же целую тебя (и, о боже! много хуже! много лучше!) в своих мечтах.

*Всегда твой,
Шандор Ференци.*

*Вена,
Берггассе, 19.
9 февраля 1920 г.*

Дорогой Ференци,

Спасибо тебе за сочувственное письмо. Даже не знаю, что еще сказать. Годами я готовился к потере сыновей; теперь пришел черед дочери. Поскольку я совершенно не религиозен, мне некого винить и некуда обратиться с жалобой. «Неизменный круг обязанностей солдата» и «сладкая привычка к существованию» обеспечат то, что все будет идти как и прежде. Слепая необходимость, немое подчинение. Глубоко внутри я могу проследить чувство тяжелой нарциссической обиды, от которой невозможно избавиться. Жена и Аннерль ужасно потрясены, и это более человеческая реакция.

Не беспокойся обо мне. Я все тот же, только чуть больше устал. La Séance continue². Сегодня мне дольше, чем я могу себе позволить, пришлось пробыть в венской городской больнице – в качестве члена комиссии, расследующей заявления о неправильном лечении военных неврозов. Сильнее, чем когда-либо, меня поражает, как можно думать, что лечение электрическим током так называемых симулянтов превратит их в героев. Вернувшись на поле боя, они неизбежно перестанут бояться тока перед лицом более непосредственной опасности; поэтому их подвергнут еще более суровому электрошоку – и так до бесконечности. Я склонен усомниться в вине Вагнера-Йорегга, но не поручусь за весь его персонал. Никогда не отрицалось, что в немецких госпиталях бывали случаи смерти во время лечения, а также самоубийства. Еще рано говорить, идет ли венская клиника характерным немецким путем безжалостного достижения цели. К концу месяца мне придется подать на рассмотрение меморандум.

Я снова с увлечением занялся своим эссе «По ту сторону принципа удовольствия», с которым так долго мешкаю; причем крепнет убеждение, что я на правильном пути в определении инстинкта смерти как по-своему настолько же сильного (хотя и более скрытого), как либидо. Одна из моих пациенток, молодая женщина, страдающая сильнейшей истерией, только что «дала жизнь» некоторым записям, которые, кажется, подтверждают мою теорию: неистовые сексуальные фантазии сочетаются с крайне болезненной впечатлительностью. Как будто Венера, взглянув в зеркало, увидала Медузу Горгону. Возможно, мы исследуем сексуальные импульсы чересчур односторонне, напоминая тем самым моряка, чей взгляд так прикован к свету маяка, что он разбивается о скалы в окрестной тьме.

Может быть, по какому-нибудь аспекту этой темы я напишу статью, чтобы в сентябре представить на конгрессе. Уверен,

² Представление продолжается (фр.).

воссоединение взбодрит нас всех после этих ужасных, гнетущих лет. Я слышал, Абрахам собирается сделать доклад по комплексу женской кастрации. Твои предложения по развитию активной терапии в психоанализе, по-моему, в качестве предмета обсуждения просто превосходны. Я по-прежнему уверен, что «можно достичь намного большего эффекта в лечении больных, если относиться к ним с любовью, которой они жаждали, будучи детьми», но с интересом выслушаю и твои доводы.

*Жена вместе со мной благодарит тебя за доброту.
Твой Фрейд.*

*Вена,
Берггассе, 19.
4 марта 1920 г.*

Дорогой Сакс,

Хотя коллеги в Швейцарии и будут по тебе скучать, я думаю, ты абсолютно прав, перебравшись в Берлин. У меня нет сомнений в том, что именно Берлин через несколько лет станет центром нашего движения. Твой ум, неиссякаемый оптимизм, сердечность и широта взглядов делают тебя идеальным человеком, способным взять на себя подготовку будущих психоаналитиков, хотя ты и беспокоишься по поводу недостаточного опыта клинической работы. Я очень верю в тебя.

Беру на себя смелость послать тебе в качестве «прощального подарка» – хотя, надеюсь, разлука не будет долгой – несколько необычный «дневник», которому, после лечения на водах в Гастайне, «дала жизнь» одна из моих пациенток, молодая женщина с самой приличной репутацией. Она уехала из Вены худой, вернулась пополневшей и сразу передала мне свои записи. Подлинный pseudocyesis! Она отдыхала в обществе своей тети, и вряд ли нужно добавлять, что ей никогда не доводилось видеть моих сыновей, хотя, возможно, я упоминал, что Мартин был военнопленным. Не буду надоедать тебе подробностями ее истории болезни; но если что-то затронет в тебе художника, то буду благодарен тебе за комментарии. Молодая женщина прервала многообещающую музыкальную карьеру и действительно написала эти «стихи» между нотных строк «Дон Жуана»... Отправляю тебе копию всей рукописи (оригинал записан в ученической тетради), которую она с удовольствием для меня сделала. Эта копия, если можно так выразиться, всего лишь послед, и возвращать ее необязательно.

Если сможешь не обращать внимания на грубые выражения³, которые болезнь исторгла из этой девушки, в нормальном состоянии застенчивой и очень скромной, то найдешь интересные для себя отрывки. Говорю об этом, зная твой раблезианский темперамент. Не беспокойся, мой друг, это меня не задевает. Мне будет не доставать твоих еврейских шуток – здесь, в Вене, как ты знаешь, все ужасно серьезны.

Если не удастся раньше, то в сентябре надеюсь увидеть тебя в Гааге. Мрахам обещает статью по комплексу женской кастрации. Скальпель, которым он будет пользоваться, наверняка окажется очень тупым. Но

³ В силу того, что в русском языке эквиваленты английских «грубых выражений» имеют несоизмеримо более непристойную коннотацию, такую лексику в переводе необходимо было передавать чисто описательно.

все же он человек здравомыслящий и достойный. Ференци попытается обосновать свой вновь обретенный энтузиазм по поводу лечения больных хорошим отношением.

Без «воскресного ребенка» наш дом все еще кажется опустевшим, хотя мы и редко ее видели после замужества. Ну да хватит об этом.

*С сердечными пожеланиями,
твой Фрейд.*

*Берлинская поликлиника
14 марта 1920 г.*

Дорогой, многоуважаемый профессор!

Простите за открытку: мне показалось, что это соответствует стилю «белого отеля» Вашей юной пациентки. От души благодарю Вас за этот подарок. С его помощью время в поезде (весьма подходящая обстановка!) прошло быстро и интересно. Что касается моих мыслей по поводу ее произведения, то, боюсь, они элементарны: ее фантазия поразила меня так же, как Рай до грехопадения, – не потому, что там не было любви и смерти, а потому, что не было времени, в котором они могли бы обрести смысл. Новая клиника великолепна; конечно, она, увы, не стоит на молочных реках с кисельными берегами, как Белый отель, но надеюсь, окажется значительно долговечнее! Как только соберусь с мыслями, напишу письмо.

*Сердечно Ваш,
Сакс.*

*Вена,
Берггассе, 19.
18 мая 1931 г.
Секретарю Комитета по столетнему юбилею
со дня смерти Гёте
Городской совет, Франкфурт*

Уважаемый господин Кун,

*Простите, что задержался с ответом на Ваше любезное письмо. Однако я, насколько это позволяло состояние моего здоровья, не сидел тем временем без дела, и статья готова. Моя бывшая пациентка не возражает против публикации своих сочинений вместе со статьей, и я их прилагаю. Надеюсь, Вас не смутят непристойные выражения, разбросанные в ее слабых стихах, равно как менее вызывающие, но все-таки порнографические материалы в прозаическом толковании ее фантазий. Нужно иметь в виду, что а) их автор страдал сильной сексуальной истерией и б) эти сочинения относятся к области науки, где всегда принимается и применяется принцип *nihi l humanit*⁴, и не в последнюю очередь тем поэтом, который советовал своим читателям не бояться и не отворачиваться от того, «что, неведомое людям или ими отвергаемое, бродит ночами по лабиринтам сердца».*

⁴ Homo sum, humani nihil a me alienum puto – я человек, ничто человеческое мне не чуждо (из комедии Теренция, около 185–159 гг. до н. э.).

*Искренне Ваш,
Зигмунд Фрейд.*

Часть 1 Дон Жуан

1

Мне снилась буря: рушились стволы
деревьев, из ненастной сизой мглы
безлюдный берег выпростался вдруг,
дрожа от страха, я пыталась люк
открыть, но не смогла; там был Ваш сын,
в купе игру затеяли мы с ним,
в тоннель влетел наш поезд – тьма, хоть глаз
коли, – рука проворно пробралась
ко мне под платье, между бедер, сил
дышать не оставалось, пригласил
Ваш сын меня с собою – он хотел,
чтоб в белый мы поехали отель,
что в изумрудном озере в горах
весь отражен, уже ни стыд, ни страх
мне не могли, пылающей, помочь
подол мой опустить, отбросить прочь
его ладонь – и палец, два и три
протиснулись в меня, дрожа внутри,
я ноги развела: по ним текло,
тут проводник протер в купе стекло,
на миг остолбенев, потом ушел,
я вся была как пустотелый ствол
желанья, жажды – до тех самых пор,
пока мы в вестибюль во весь опор
не ворвались – консьержка там спала —
и он, ключи схвативши со стола,
наверх стремглав не бросился опять,
меня не прекращая раздевать
при этом; небо было голубым,
но к вечеру как будто белый дым
поверх деревьев стройных закружил —
то ветер дул с заснеженных вершин,
с неделю провели мы среди них,
постель не покидая ни на миг.
Ваш сын меня почти распотрошил,
профессор, я разбита, я без сил,
не знаю, чем усталость эту снять,
Вы можете помочь или понять?

Второй наш вечер помнится мне так:

ярился ветер жесткий, как наждак,
меж лиственниц, окреп он, чтоб сорвать
с беседки крышу – пагоде под стать;
валы вздымались, многим утонуть
сулила ночь, Ваш сын ласкал мне грудь,
потом прижался ртом, сосок набух,
в отеле свет мигнул, потом потух,
шаги и гомон слышались во мгле,
казалось, мы на белом корабле
в открытом море, плеск и беготня
повсюду раздавались; он меня
сосал, сосал – я сдерживала крик:
с такою силой он к соскам приник,
что оба затвердели; как сквозь сон,
порой мы различали стекол звон,
потом в меня он втиснулся опять;
Вам не понять, профессор, не понять,
что там, в горах, за звезды, – свет их чист,
огромные, что твой кленовый лист,
все падали, все падали они,
в воде озерной гасли их огни,
то были Леониды, он сказал,
мы слышали – на помощь кто-то звал;
помимо члена, палец был во мне,
они крест-накрест терлись в глубине,
звучал то плач, то быстрый шепоток,
он влез в другой проход, мой ноготок
у комеля во мне сокрытый член
ласкал – в меня утоплен, схвачен в плен,
ему он больше не принадлежал,
зигзаг слепящей вспышки пробежал
так быстро, что исчез скорее, чем
над крышей раскололся гром, затем
все снова почернело, лишь в воде
неверный свет струился кое-где,
в бильярдной был потоп, все сбились с ног,
боль нарастала, кончить он не мог,
нам было так чудесно, со стыда
сгораю я, профессор, но тогда
мне было не до этого, хотя
кричала я; примерно час спустя
услышали мы хлопанье дверьми —
от озера скорбящими людьми
вносились трупы, ветер не стихал,
Ваш сын, заснув, объятий не разжал.
Однажды – мы стояли у окна —
спасти решили кошку: чуть видна,
чернела среди листвы она густой,
в которой двое суток с ночи той

с испугу провела; слепую злость
ее когтей спасателям пришлось
отведать; в тот же вечер из меня
кровь заструилась, алым простыня
окрасилась, я помню, он как раз
показывал мне снимки – мы о Вас
беседовали; я спросила: ты
не возражаешь против красноты? —
не следует буквально понимать
слова «не покидали мы кровать», —
едва коснулась кошка та земли,
как мы, одевшись, ужинать сошли,
там были танцы, прямо меж столов,
пошатывалась я, под мой покров —
одно лишь платье – воздух проникал,
а он опять рукой меня ласкал,
я слабо попыталась оттолкнуть
его ладонь, но он успел шепнуть:
я не могу, позволь мне, разреши, —

танцующие пары от души
нам улыбались; отодвинув стул,
он сел и быстро пальцы облизнул,
я видела, как красная рука
кромсала мясо, жесткое слегка,
с едой покончив, мы сбежали вниз,
под лиственницы, где прохладный бриз
мне тело овевал и, хоть оркестр
за стенами не слышен был, окрест
цыганская мелодия плыла;
той ночью я едва ли не была
разорвана; от крови он лютел,
рой звезд, кружась, над озером летел,
луну затмил на небе этот рой,
к нам в окна звезды сыпались порой —
одна беседки крышу, что была
на пагоду похожа, подожгла;
вершину, что венчал собой ледник,
высвечивала молния на миг.

2

Однажды мы оставили постель
служанкам на весь день, с утра отель
покинув, чтоб на яхте походить.
Трехмачтовое судно бороздить
до сумерек не прекращало гладь
спокойных вод. Его рука опять
под пледом до запястья внутрь ушла —
ее я, как перчатка, облегла.
Без облачка был синий небосклон.
Деревьями отель был поглощен,
а те сливались с зеленью воды,
блестевшей наподобие слюды.
Шептала я: возьми, возьми меня! —
и не стыжусь теперь, во всем виня
убийственное солнце. Все равно
нам негде было лечь: везде вино
цедил народ, цыпляют глодая, с нас,
укрытых пледом, не спуская глаз.

Я вся была как в лихорадке — так
меня дурманил втиснутый кулак;
как поршень, он скользил туда-сюда
за часом час. Их взгляды лишь тогда
отворотились прочь, когда закат
окрасил небо, но сильней стократ
их зарево в отеле отвлекло —
он вновь был виден, и одно крыло
пылало; сбившись в кучу и дрожа,
все в ужасе взирали на пожар.
Вот тут-то сын Ваш робость поборол,
поднял и насадил меня на кол,
стонала я, но крик глушил мой стон:
за трупом труп срывался из окон.
Я содрогалась из последних сил,
покуда он струю не испустил,
прохладную и нежную. С дерев
тела свисали. Снова затвердев,
опять нырнул — и снова стон исторг,
о, нету слов наш выразить восторг;
крыло отеля выгорело, в нем
лишь койки, пощаженные огнем,
виднелись; как все это началось,
никто не знал, — быть может, солнца злость
шальная ворох наших простыней,
горячих с ночи, обожгла сильней —

и подпалила; то ли кто из слуг
курил – его жара сморила вдруг;
а может, зажигательным стеклом
подтаявший явился горный склон.
В ту ночь мне глаз сомкнуть не удалось,
внутри, казалось, что-то порвалось,
Ваш нежный сын во мне был напролет
всю ночь, но без движения; народ
над мертвыми склонялся за окном,
не знаю, женский опыт вам знаком
иль нет, но алой боли пелена
за часом час все зыбилась, она
как озеро спокойное была,
что в берег тихо плещет. Не могла
заря нас ни разъять, ни усыпить.
Уснув же наконец, пришлось испытать
иное: мне приснилось, будто я —
фигура носовая корабля,
резная «Магдалина». По морям
носясь, я на себе носила шрам,
оставленный меч-рыбой, я пила
крепчайший ветер, плоть моя была
древесная обточена водой,
дыханьем льдов, бессчётной чередой
плавучих лет. Сперва был мягок лед,
я слышала, как кит с тоской поет,
свой ус жалея, вшитый в мой корсет, —
меж ветром и китовым плачем нет
больших различий; позже лед пошел
вгрызаться в нас (мы были – ледокол),
мне грудь стесало напрочь, я была
покинута, точнее, родила
древесный эмбрион, он снег и ночь
сосал, разинув рот, покуда прочь
его все дальше злобный ветер гнал;
еще один свирепый снежный шквал
мне матку вырвал начисто, – вертась,
она в пространство белое взвилась.
С каким же облегченьем ото сна
я встала поутру, озарена
горячим солнцем, чей спокойный свет,
лаская, гладил мебель и паркет!
Ваш сын не спал, улыбкой встретил он
меня. И грудь – на месте! На балкон
я выбежала. Воздух пах сосной.
Ваш сын неслышно вышел вслед за мной
и со спины так глубоко проник,
что в сердце, еще помнившем ледник,
расцвел цветок, внезапен и багров.

Не знала я, которым из ходов
в меня вошел он, но и весь отель,
и даже горы – все дрожало; щель
чернела, извиваясь, где одна
до этого царила белизна.

3

Сдружились мы со многими, пока
не ведавшими, как их смерть близка;
среди них была корсетница – пухла
и, ремеслу подобно, весела, —
но ночи мы делили лишь вдвоем.
Все длился звездный ливень за окном,
огромных роз тек медленный поток,
а как-то раз с заката на восток,
благоухая, роща проплыла
деревьев апельсиновых; была
я в трепете и страхе, он притих,
мы молча проводили взглядом их,
они, шипя, растаяли в воде,
как тысячи светильников во тьме.
Не думайте, что не было у нас
возможности прислушаться подчас,
как безгранична в спящем мире тишь,
друг друга не касаясь – разве лишь
он холмик мой ерошил иногда:
ему напоминал он те года,
когда, забравшись в папоротник, там
возился он, играя. По ночам
немало он рассказывал о Вас —
и Вы, и мать стояли возле нас.
Из облаков закат лепил цветы
невыносимой, странной красоты,
казалось, будто кружится отель,
грудь ввинчивалась в сумрак, что густел,
я вся была в огне, его язык
ко мне в ложбинку каждую проник,
а семя оросило мне гортань —
обильная, изысканная дань,
что тотчас превратилась в молоко,
а впрочем, и без этого легко
оно рождалось где-то в глубине,
до боли распирая груди мне;
внизу он осушил бокал вина —
ведь после страсти жажда так сильна —
и через стол ко мне нагнулся, я
лиф платья расстегнула, и струя
забрызгивала все вокруг, пока
губами он не обхватил соска,
другую грудь, что тоже потекла,
я старичку-священнику дала,
все постояльцы удивлялись, но

они нам улыбались все равно,
как будто ободряя, – ведь любовь
в отеле белом всем доступна вновь;
в дверь заглянув, шеф-повар просиял,
поток молочный все не иссякал,
тогда он подошел, бокал налил,
под грудью подержав, – и похвалил,
его в ответ хвалили – мол, еда
состряпана на славу, как всегда,
бокалы прибывали, каждый пил,
шутник какой-то сливок попросил,
потом и музыканты подошли,
за окнами, в клубящейся дали,
гас свет – как будто маслом обнесло
и рощи, и озерное стекло,
священник продолжал меня сосать —
он вспоминал свою больную мать,
в трущобах умиравшую, – Ваш сын
другую грудью занят был, с вершин
сползал туман, под скатертью ладонь
в дрожащем лоне вновь зажгла огонь.

Наверх пришлось нам броситься. Он член
ввел на бегу, и бедра до колен
мне вмиг горячей влагой залило,
священник же, ступая тяжело,
процессию повел на склон холма,
мы слышали, как пение псалма
стихало, удаляясь, он мои
засунул пальцы возле члена, и
корсетница-пампушечка, наш друг,
туда же влезла,хватило дух —
я так была забита, но должна
признаться, что еще не дополна;

тела погибших в буре и огне
везли в телегах, в чуткой тишине
мы слышали – они, прогрохотав
среди сосен, смолкли; юбки ей задрал
(ее так пояс стягивал – больней
нельзя), ему дала я кончить в ней,
казалось, нету разницы, любовь
была сплошной, без граней и краев,
от озера струилась к небесам,
к вершинам, к нашей комнате и к нам,
мы видели – построились они
над общей могилою, в тени
заснеженного пика, ветер нес
напоминанье о потоках роз,

что льются во вселенной, полной тайн,
а матери, детей лишившись, там
сознание теряли, прямо в грязь
безмолвно и надломленно валясь,
и колокол в приливе медных сил
в церквушке за отелем голосил —
она была на склоне, посреди
тропы к обсерватории, — к груди
рыбак какой-то шляпу прижимал —
он голосу священника внимал,
который свет надежды снова нес
тем, чьи глаза не видели от слез;
до нас донесся гул, и снежный пик
застыл, повиснув в воздухе на миг,
поддерживаемый лишь пеньем их,
потом он рухнул — мертвых и живых
лавина погребла, когда она
умолкла, наступила тишина,
которой не забуду никогда,
равно как тьмы — ведь белая вода
свет солнца сразу выпила в ту ночь
и не было луны беде помочь;
я думаю, он в матку ей проник, —
она счастливый испустила крик,
так укусив мне грудь, что из соска
росинки покатались молока.

4

Однажды ясным вечером, когда,
как простыня, озерная вода
алела, мы оделись и пошли
к вершине, пламенеющей вдали,
тропа была прерывиста, узка,
петляла меж камней; его рука
опорой мне служила, но и внутрь
ныряла то и дело. Отдохнуть
решили мы меж тисов, что росли
у церкви; наклоняясь до земли,
щипал траву привязанный осел;
когда Ваш сын, скользя, в меня вошел,
монахиня с корзиною белья
явилась и сказала, чтобы я
напрасно не смущалась: наш ручей
грехи смывает полностью, – смелей!
То был ручей, что озеро питал,
которое жар солнца выпивал,
чтоб все дождем опять вернулось вниз.
Ее стирать оставив, взобрались
мы в царство холодов, где не растет
ни деревца, где только снег да лед.
Уже и солнце спряталось, когда,
впотьмах в обсерваторию войдя,
мы в телескоп взглянули. Как же он
был звездам предан, звездами пленен!
Вы знаете – они ведь у него
в крови; но только в небе ничего
не видно было – звезды до одной
на землю пали снежной пеленой,
не знала я, что звезды, словно снег,
к земле и водам устремляют бег,
чтоб поиметь их; в этот поздний час
к отелю спуск был гибельным для нас —
мы кончили еще раз и легли.
Во сне он был и рядом, и вдали,
и образы его плелись в узор,
порой я различала пенье гор —

они поют при встрече, как киты.
Всю ночь летело небо с высоты,
в мельчайших хлопьях, и со всех сторон
Вселенной раздавался сладкий стон, —
с тех пор, как начала она кончать,
он столько лет не прекращал звучать;

мы встали утром, звездами шурша
и жажду снегом утолить спеша,
все было – даже озеро – бело,
отель, казалось, вовсе замело,
пока трубу он не наставил вниз
и те слова внезапно не нашлись,
что я там надышала на стекле.
Он сдвинул телескоп, и на скале
во льду мы различили эдельвейс;
он указал на падавших с небес
парашютистов, стала вдруг видна
застежка от корсета, – то она,
подружка наша пухлая, была,
она, казалось, в воздухе плыла,
зависнув в небе между двух вершин,
синяк, который Ваш оставил сын,
виднелся на бедре ее, он был,
по-моему, взволнован, его пыл
я чувствовала словно в забытии;
тряс ветер трос фуникулера и
раскачивал вагончик, рвался крик,
вниз постояльцы падали, язык
его стучал мне в грудь, а кровь – в виски,
мгновенно напряглись мои соски,
цепочка дам не падала – плыла,
их юбки были, как колокола,
раздуты ветром; обгоняя их,
к земле летел поток фигур мужских,
казалось – это танец кружит всех
и женщины не вниз летят, а вверх,
как будто руки сильные мужчин
подбросили воздушных балерин;
мужчины оземь грянулись, вдогон
и женщины попадали на склон,
в деревьяв кроны, в озеро, и лишь
затем упала россыпь ярких лыж.
Спускаясь, мы решили у ручья
передохнуть. На удивление, я
так четко различала с высоты
рыб в озере прозрачном – их хвосты
и плавники горели серебром
и золотом, их скопище о том
напомнило, снуя под толщей вод,
как семя ищет в матку мою вход.
Уже иные рыбы жертв беды
обнюхивали в поисках еды.
Я слишком сексуальна? Иногда
я думаю: по-видимому, да,
как будто вовсе даже не Господь —

тот, кто в клубок стянул всю эту плоть, —
потоками икры затмил моря,
лозу тугими гроздьями даря,
а финиками — пальмы; кто тельцу
велел вдыхать цветочную пыльцу,
быку — при виде слив ронять слюну,
а Солнцу — крыть бессильную Луну.
Олень во время гона, полный сил, —
Ваш сын меня всей скромности лишил.
Был персонал в ударе, раньше я
подобного обслуживания
не видывала, рьяный телефон
не умолкал, в отель со всех сторон
стекались гости, если кто от нас
съезжал, десяток новых тот же час
вселялся, на одну хотя бы ночь
просились новобрачные, но прочь
их часто приходилось отправлять,
одной чете в углу нашли кровать —
уж так рыдали, выслушав отказ;
а следующим вечером до нас
из коридора вопли донеслись,
у новобрачной роды начались;
стремглав помчались горничные к ней,
неся охапки теплых простыней.
Сгоревшее крыло весь персонал
отстраивать усердно помогал;
однажды, припечатана лицом
к подушке, я — уже перед концом —
его вбирала мощные толчки,
уже почти хрустели позвонки
и растекалась огненная слизь,
когда мы услышали: к нам скреблись
в окно, то был шеф-повар, он вспотел,
кладя слой свежей краски на отель,
он подмигнул нам, радостен и лих,
без разницы мне было, кто из них
во мне, бифштексы были хороши,
и соус он готовил от души,
и было так чудесно понимать,
что часть себя другому можно дать;
не ведал эгоизма наш отель,
где озеро, и оползень, и сель
от гор вбирало, между чьих грудей
взмывали стаи диких лебедей,
а те скользили к озеру, их пух
так бел был, что захватывало дух,
отказывался верить в это взор,
и серыми казались пики гор.

Часть 2

Гастайнский дневник

Она споткнулась о корень, поднялась и слепо бросилась дальше. Бежать было некуда, но она не останавливалась. Хруст листвы позади становился все громче – ведь мужчины бегают быстрее. Даже если добежать до опушки, там лишь будет еще больше солдат, готовых открыть по ней стрельбу, но еще несколько мгновений жизни – драгоценны. Только их слишком мало. Возможности спастись не было никакой, разве что сделаться одним из деревьев. Она бы с радостью рассталась со своим телом, со всей полнотой ощущений, чтобы превратиться в дерево, замереть в смиренном древесном существовании, стать приютом для пауков с муравьями. И чтобы солдаты прислонили ружья к ее стволу, ища сигареты у себя по карманам. Они бы с легким разочарованием пожимали плечами и говорили: ладно, одна не в счет, потом отправились бы восвояси, а она исполнилась бы радости, и листва ее пропела бы благодарность Господу, пока солнце садилось бы среди деревьев вокруг.

Наконец в изнеможении она рухнула на горько пахнущую землю. Рука нащупала что-то твердое и холодное; она разгребла листья и обнаружила железное кольцо люка. Заставив себя подняться на колени, она попыталась его открыть. Какое-то время было тихо, как будто солдаты ее упустили, но теперь снова стало слышно, как они продираются через подлесок, совсем неподалеку. Из всех сил она дергала за кольцо, но то никак не поддавалось. На листья, устилавшие землю, упала чья-то тень. Она закрыла глаза, ожидая, что вот-вот все взорвется у нее в голове. Затем подняла взгляд и увидела испуганное лицо маленького мальчика. Он, как и она, был обнажен, из бесчисленных порезов и царапин на его теле сочились кровь.

– Не бойтесь, тетя, – сказал он, – я тоже живой.

– Тихо! – приказала она.

Кольцо по-прежнему не сдвигалось с места, и она велела мальчику ползти за ней. Вдруг солдаты да примут кровь на их спинах за красные пятна на опавших листьях. Но, ползком пробираясь вперед, она ощутила, как в правое плечо мягко впиваются пули.

Ее тряс за плечо контролер, и она, извинившись, стала возиться с застежкой сумочки, при этом чувствуя себя очень глупо: та, как и железное кольцо, не желала поддаваться ее усилиям. Открыв наконец сумку, она подала билет контролеру. Тот прокомпостировал его и вернул. Когда дверь в купе закрылась, она поправила свое платье в черно-белую полоску, усаживаясь поудобнее и поприличнее. Пока она спала, на противоположное место в купе сел солдат; встретившись с ним взглядом, она почувствовала, что краснеет, и стала перебирать содержимое сумочки. Она заметила, что у юноши, с которым она спала (если так можно выразиться), глаза зеленые и безмятежные. Взяв книгу, она возобновила чтение, время от времени поглядывая в окно и улыбаясь.

Все было таким мирным: перестук колес, шорох переворачиваемых страниц, похрустывание газеты ее спутника.

Молодой человек недоумевал, чему можно улыбаться, глядя на однообразную желто-коричневую равнину. Не похоже, чтобы улыбка была вызвана приятными воспоминаниями или предвкушением чего-то, видно, попутчицу просто радовал пейзаж за окном. Улыбка преображала ее милые, но вполне заурядные черты. Она была довольно-таки полной, но хорошо сложена.

Одна из улыбок перешла в зевок, который она тут же подавила.

– Хорошо спалось? – смело обратился он к ней, складывая газету у себя на коленях и дружески улыбаясь.

Она покраснела, кивнула и снова посмотрела в окно.

– Да, – сказала она, – только скорее это была смерть, а не сон.

Ее ответ привел его в замешательство.

– Очень не хватает дождя, – добавила она.

– Да, конечно! – сказал юноша.

Больше ему ничего не шло на ум, и она снова стала читать. Забывшись в чтении, без отрыва пробежала несколько страниц; потом опять взглянула на сухую равнину за бегущими телеграфными столбами, и на лицо ее вернулась улыбка.

– Интересная? – спросил он, кивая ей на колени.

Она протянула ему раскрытую книгу и так и осталась сидеть, подавшись к нему. Его удивили черные и белые значки, казалось скачущие по страницам в ритме движения поезда, похожие на полосы ее платья. Он полагал, что она читает легкий роман, но это не клеилось с непонятным языком книги; он было решил, что книга написана на тамильском или другом заморском языке. Едва не сказав: «Так значит, вы – лингвист?» – он вдруг понял, что это нотные знаки. Между нотными станами он разобрал итальянские слова, а взглянув на твердую обложку (переплет скрипнул в его руках), увидел имя Верди. Он вернул книгу, сказав, что не знает нотной грамоты.

– Это прекрасно, – сказала она, проводя пальцами по обложке, и пояснила, что пользуется свободной минутой, чтобы разучить новую роль; вот только жаль, нельзя ее попробовать в полный голос: партия такая мелодичная.

Он попросил ее не стесняться и петь; это развеяло бы тоску, наводимую проклятой равниной за окном! Улыбнувшись, она сказала, что дело совсем не в стеснении: просто связки устали, им необходим отдых. Из-за этого ей пришлось прервать гастроли и уехать домой на месяц раньше. Единственное утешение – она снова увидит своего малыша. За ним присматривала ее мать; но, хотя он и любит бабушку, ему не очень-то по душе, что с ним все время нянчится старуха. Он очень обрадуется ее раннему возвращению. Она не позвонила им, когда приедет, – пусть это будет сюрпризом.

Молодой человек во время ее скудного объяснения сочувственно кивал.

– А где его отец? – поинтересовался он.

– Ах! кто знает? – Она взглянула на партитуру оперы. – Я вдова.

Он пробормотал что-то вроде соболезнования и достал портсигар. От сигареты она отказалась, но сказала, что запах табака ей нравится и не вредит ее горлу. Какое-то время ей все равно не придется петь.

Закрыв партитуру, она печально глядела в окно. Он решил, что она вспоминает о муже, и курил, сохраняя деликатное молчание. Он видел, как в волнении поднимается и опускается ее соблазнительная грудь, затянутая в черно-белое полосатое платье. Длинные волосы, черные и прямые, обрамляли несколько тяжеловатое лицо. Губы были приятно изогнуты, но это не мешало заметить, что нос у нее слишком большой. Его притягивало это смуглое, полное лицо – ведь как-никак целых три года он провел на весьма скудной диете.

Молодая женщина думала о дыме паровоза, уносившемся в пространство за ними. И видела этого молодого дружелюбного солдата окоченевшим и лежащим в гробу. Наконец ей удалось справиться с дыханием. Чтобы отвлечься от кошмарных видений, она принялась расспрашивать попутчика и узнала, что тот был военнопленным, а сейчас возвращается домой, к семье. Ее сочувственное выражение (он был худ и бледен) сменилось на радостное и удивленное, когда она уловила слова «профессор Фрейд из Вены».

– Да, конечно, я слышала о нем! – сказала она, улыбаясь и позабыв все свои печали.

Она была большой поклонницей его исследований. Ей даже как-то приходила мысль проконсультироваться у него, но потом необходимость отпала. Интересно, каково быть сыном столь знаменитого отца? Ее не удивило, когда он поморщился и передернул плечами.

Но он совсем не ревновал к славе отца. Он только хотел найти себе молодую жену и остепениться. А что она – наверное, не мыслит себе иной жизни, кроме жизни певицы, чтобы постоянно требоваться то здесь, то там, везде на свете? Привлекает ее это дьявольское напряжение? Да нет, не совсем, сказала она; во всяком случае, не всегда. Связки же у нее сорвались впервые. Просто глупо было браться за партию, которая слишком высока для ее регистра и требует голоса большой силы. Она по природе не вагнеровская певица.

Поезд, который мчался без остановки почти два часа, проносясь на полном ходу через большие города, остановился, к их удивлению, на маленькой, тихой станции посреди огромной равнины. Это была даже не деревня – три или четыре дома и церковный шпиль. Пассажиров на станции не было, но коридоры состава наполнились топотом, шумом, криками, и они увидели, что на платформу высыпало множество путешественников. По мере того как поезд набирал ход, они наблюдали, как толпа высадившихся пассажиров неуверенно ставит чемоданы на перрон. Деревушка скоро скрылась из виду. Равнина становилась все более пыльной и пустынной.

– Да, дождь бы здесь совсем не помешал, – сказал юноша.

– Но у вас впереди целая жизнь, – вздохнув, ответила женщина. – В вашем возрасте – и такие мрачные мысли! Для меня – что ж, это истинная правда. Мне почти тридцать, я начинаю стареть. Вдова; через несколько лет совсем начнет пропадать голос – мало чего остается ждать от жизни.

Она закусила губу. Он почувствовал легкое раздражение из-за того, что она не обращает внимания на его слова – или же не понимает ничего из того, что он говорит. Но возобновившееся колыхание ее груди вызвало напряжение в паху, который, по счастью, был прикрыт газетой.

Все еще сжимая в кулаке газету, он отправился помыть руки и увидел, как опустел поезд. Кажется, их осталось только двое. По возвращении он обнаружил, что его отсутствие, хотя и столь непродолжительное, нарушило интимность обстановки. Она вернулась к чтению партитуры, при этом откусывая помаленьку от сэндвича с огурцом (он заметил, какие у нее маленькие и ровные жемчужные зубы). Перед тем как снова погрузиться в партитуру, она слегка ему улыбнулась.

– Как много ворон на проводах, – услышал он свои слова. По его мнению, они прозвучали по-мальчишески, неуверенно и глупо; его злила собственная неловкость.

Но молодая женщина улыбнулась, как бы радостно с ним соглашаясь:

– Да, это очень трудный пассаж. *Vivace*.

И стала напевать хрипловатым, но приятным голосом, который то поднимался, то опускался, следуя сложным извивам шестнадцатых нот. Так же внезапно, как начала, она умолкла и покраснела.

– Прелестно, – сказал он, – не останавливайтесь!

Но она покачала головой и стала, как веером, обмахивать лицо раскрытой книгой. Он закурил, она закрыла одновременно и книгу, и глаза, откидываясь на сиденье.

– Это ведь турецкий табак, да?

Ей показалось, что в запахе дыма чувствуется опиум, и в теплом и душном воздухе купе ее снова начала одолевать дремота.

За время своего краткого отсутствия он успел переодеться в штатское, теперь на нем был изящный светло-голубой костюм. Поезд вошел в тоннель, превратив их отсек в спальное купе. Она почувствовала, как он наклонился и коснулся ее руки.

– Вы вспотели, – сочувственно сказал он. – Вам бы на воздух.

Ее почему-то совсем не удивило, когда она ощутила, что его рука раздвигает ей ноги.

– Пот так и льет, – сказал он.

Было очень легко и естественно позволить молодому офицеру гладить в темноте ее бедра. В каком-то смысле она уже спала с ним, позволив гораздо бóльшую близость – наблюдать за собою спящей.

– Душно, – сонным голосом произнесла она.

– Может, открыть окно? – предложил он.

– Если хотите, – пробормотала она, – только мне нельзя забеременеть.

Почти задыхаясь, она раскинула ноги и расслабилась. Он вглядывался в темное пятно ее лица, где время от времени поблескивали белки глаз. Эти восхитительно округлые бедра, обтянутые шелком, были уж слишком большим соблазном для того, кто несколько лет провел взаперти. Над ее глазами появилось красное пятнышко. Оно становилось все ярче и больше. Когда оно разделилось на алые струйки, он понял, что у нее горят волосы. Сорвав с себя пиджак, он накинул его ей на голову. Она поднялась, задыхаясь, но пламя исчезло. Поезд выехал на солнечный свет.

Происшествие с огнем и яркое солнце испортили настроение, и молодой человек в сердцах затушил сигарету. Женщина стала поправлять перед зеркалом волосы, прикрывая выжженный клоч блестящим черным локоном. Она взяла с вешалки белую шляпку и надела ее.

– Видишь, как легко меня завести. – Она нервно рассмеялась. – Вот почему мне лучше совсем не начинать. Все происходит слишком быстро.

Он извинился за свое легкомыслие, она присела на край сиденья, нежно взяла его за руки и встревоженно спросила, не забеременеет ли она. Он покачал головой.

– Тогда, – сказала она с облегчением, – ничего страшного.

Он погладил ее руки.

– Ты хочешь меня? – спросила она.

– Да, очень, – ответил он.

Она снова покраснела.

– Но как твой отец отнесется к тому, что ты женишься на бедной вдове, которая к тому же намного старше тебя? С четырехлетним сыном? Да, и кстати – мой сын. Как он к этому отнесется? Тебе придется с ним встретиться – посмотрим, как вы поладите.

Молодой человек не знал, что на это сказать. Он решил промолчать и снова стал гладить ее бедра. К его облегчению, они сразу же раздвинулись, она откинулась назад и прикрыла глаза. Ее грудь вздымалась, и он положил на нее свободную руку.

– Может, проведем несколько дней вместе? – предложил он.

– Да, – сказала она, не открывая глаз. Тяжело дыша, она прикусила губу. – Да, это было бы чудесно. Но прежде мне надо его увидеть и подготовить к встрече с тобой.

– Я имею в виду – ты да я, – сказал он, – вдвоем. Я знаю отель в горах, возле озера. Там очень красиво. Тебя ведь не ждут?

Она покачала головой, судорожно вздохнув, когда его палец скользнул в отверстие. Юноша потерял интерес к женщине, поглощенный таинством утонувшего в ней пальца. Он чувствовал, как тот движется сквозь ее плоть, тем не менее совершенно исчезнув. Было столько влаги, что он сумел протиснуть в нее еще несколько пальцев. Она вскрикнула – в ней скользило уже так много, что она показалась себе плодом, с которого сдирают кожуру. Она представила, как он втискивает в нее обе руки, чтобы добраться до плода. Ее платье было задрано до талии, а за окном мелькали телеграфные столбы.

Постепенно сквозь свои обезумевшие ощущения она различила шум проливного дождя, бьющего в коридорное окно; с другой же стороны равнина оставалась бесплодной и пыльной, а небо – желтым от зноя. Дождь прекратился, и, оглянувшись, они увидели, как проводник мягкой щеткой протирает окно. Он оторопело уставился на них, но они продол-

жали свои занятия, как будто его там и не было. Из-за толчков ее ягодич книга упала на пол, раскрывшись на втором акте «Бала-маскарада».

– Может, перестанем? – выдохнула она, но он сказал, что ему это очень нужно – держать там свою ладонь.

Ему было это нужно все то время, пока поезд пронесся по улицам, составленным из аккуратных домиков, потом мимо сдаваемых внаем многоэтажных трущоб с бельем, развешанным на веревках между окнами. К тому же пальцы его были так стиснуты, что он сомневался, сможет ли вытащить их, даже если захочет. Она кивнула, соглашаясь, что перестать невозможно.

Но когда их состав дотащился до узловой станции, он без особого труда извлек их; в маленьком же поезде, который повез их в горы, не было возможности возобновить эти занятия. Она сидела, тесно прижавшись к нему и довольствуясь тем, что целовала его руку или гладила ею по своим коленям. Их попутчики были в прекрасном настроении и едва не задыхались от восторга все время, пока поезд медленно тащил их все выше и выше в горы.

– Здесь еще полно снега! – щебетала дама, сидевшая напротив, – жена пекаря, судя по влажному мучнистому запаху, исходившему от ее тела.

– В самом деле, – улыбнулась в ответ молодая женщина. – Не чувствую, чтобы я хоть слегка запачкалась.

Жена пекаря бессмысленно улыбнулась и переключила внимание на свою дочку, которая вся извертелась от нетерпения. Малышка была взволнована – ее впервые взяли во правдашний отпуск.

Озеро, даже в преддверии вечера, было ярко-изумрудным. Они были счастливы снова оказаться наедине, когда пешком отправились к белому отелю. Вестибюль был пуст, только за стойкой храпел портье, усыпленный духотой дня. Молодая женщина, ослабев после страстей в поезде, прислонилась к стойке, а юноша тем временем – он позвонил со станции, чтобы заказать номер, – просмотрел список свободных комнат, снял с доски ключ и вписал в журнал регистрации свое имя. На стойке стояла ваза с удивительно большими желтыми персиками, и молодой человек взял один, сочно в него впился и предложил откусить подруге. Потом поймал ее за руку и стал подталкивать вверх по лестнице перед собой. Сладкий сок персика освежил ее, и она чуть ли не бежала вверх по ступенькам; на ходу он стал задираТЬ ее платье к талии. Шелк шуршал. Ее рука, скользя вниз, ощутила, как напряжен его член. Он вошел в нее, а они вошли в номер, она не была уверена, в какой последовательности все произошло, но, не успев осмотреть комнату, обнаружила, что лежит на кровати с широко раскинутыми бедрами и вбирает в себя его толчки. Ритм их движений не нарушился, когда он снял с нее шляпку и запустил ее в угол.

Ей казалось, что она разломлена напополам, и конец их связи виделся еще до того, как она по-настоящему началась; она представляла, как, совершенно разбитая, вернется домой. Между дверью и кроватью протянулась цепочка брызг, и, когда они кончили, она попросила его позвонить горничной, чтобы та их вытерла. Пока горничная, восточная девушка, ползала, вытирая пятна персикового сока с линялого ковра, они стояли у окна, выходящего на веранду, наслаждаясь голубизной раннего вечера в те последние минуты перед закатом, когда цвет неба вот-вот должен начать изменяться.

На следующий день голубизна за окном возродилась, но во вторую ночь (она *полагала*, что это вторая ночь, хотя на самом деле совсем утратила чувство времени) в открытое окно со свистом влетел кремневый осколок величиной с мужской кулак. Ветер, поднявшийся вечером, теперь всюду свистел в лиственницах, и он же разбил вазу с цветами, которую горничная поставила на их комод. Молодой человек подскочил к окну и закрыл его. Теперь ветер грозил выдавить окно, и они слышали приглушенный треск: это сорвало крышу с беседки. Выполненная в виде пагоды, она была живописной, но хрупкой, и яростный порыв ветра

снес ее прочь. Долгое время на их звонок никто не отвечал, но наконец горничная пришла и стала убирать осколки вазы, разлитую воду и цветы. Глаза у нее были заплаканы, и молодой человек спросил, что случилось.

– Несколько человек утонуло, – сказала она. – Волны сегодня очень большие. Их лодка перевернулась.

Горничная вопросительно посмотрела на кусок кремня, лежавший там же, куда упал.

– Это оставьте, – сказал юноша. – Пусть будет сувениром.

Тем не менее она подняла камень и подала ему, он с удивлением взвесил его на ладони. Трудно было представить себе силу, которая оторвала его от скалы и послала в их комнату.

Позже она спросила:

– Моя грудь мягче этого камня?

Он кивнул и в подтверждение ее мягкости положил на нее руку. Отчетливо, но издали слышались голоса встревоженных людей, сновавших по коридорам; когда же они позвонили, чтобы заказать обед, им сказали, что придется обойтись сэндвичами, так как все официанты помогают жертвам наводнения. Изголодавшись, они попросили вместе с сэндвичами прислать им шоколада. Он ласкал ее грудь, которая была намного мягче камня, и наклонился, чтобы припасть к соску. Молодая женщина вся подалась навстречу сосущим ее губам; пунцовый сосок вытягивался все сильнее и сильнее. Она запустила пальцы в его короткие вьющиеся волосы, а он все сосал. Они слышали звук чего-то бьющегося – то ли окон, то ли посуды – и крики. Шум паники. Доносился и плач постояльцев. Это напомнило ей плач ее ребенка, и она погладила мужчину по голове. Ее грудь, натянутая как барабан, разбухла, казалось, в три раза больше обычного. Ветер бился в окно. Он оторвался от ее груди и встревоженно сказал:

– Как бы не лопнуло.

Снова направляя ему в рот сосок, она сказала:

– Не думаю, чтобы лопнула. Когда я кормила сына, она набухла точно так же.

Отель раскачивался под порывами штормового ветра, и ей казалось, что они на океанском лайнере: слышался скрип шпангоутов корабля, из-за открытого иллюминатора ощущался соленый привкус, а с камбуза доносился слабый запах ужина, приправленного морской болезнью. Им придется обедать с капитаном, и он попросит ее спеть на корабельном концерте. Возможно, они никогда не достигнут порта. Она почувствовала, что вот-вот заплачет, – сосок был настолько вытянут, что ей становилось больно; боль была сосредоточена в соске, но в каком-то смысле он ей уже не принадлежал, он уплывал, кровоточащий аппендикс, удаленный судовым врачом. Она просила его перестать, но он никак не соглашался. Облегчение наступило, когда его губы перешли к другой груди и там тоже стали вытягивать сосок, уже и так разбухший из-за сочувствия к своему близнецу.

– Они такие нежные, – сказал он наконец, а она ответила:

– Да, конечно, они любят друг друга.

Она услышала, как за стенкой в соседней каюте, позади их койки, вдребезги разбился иллюминатор.

Рукою приоткрыв ее влагище, он вошел в нее с такой силой, что она содрогнулась. Приподнявшись, он взглянул туда, где его член так таинственно исчез в ее теле. По собственной воле он заставлял его появляться и снова исчезать. Почувствовав легчайшее прикосновение к волосам, она протянула руку и дотронулась до чего-то сухого и тонкого, как бумага. Это был кленовый лист, видимо, незамеченным влетевший к ним в начале бури – еще до того, как был заброшен камень. Она показала ему листок, и он улыбнулся, но улыбка исказилась от удовольствия, с каким он входил и выходил из нее, удерживая себя на грани извержения. Тогда она погладила его между ягодиц этим сухим и тонким кленовым листом, и он весь напрягся и содрогнулся.

Легкий дождь прекратился, ветер стих; они открыли окно и вышли на балкон. Он обнимал ее за талию, и оба смотрели, как расходятся тучи пронесшейся бури, открывая такие огромные звезды, каких им никогда не доводилось видеть. И каждые несколько мгновений наискосок по черному небу скользила звезда – как скользит кленовый лист, оторвавшийся от ветки, или как влюбленные нежно касаются друг друга, изменяя позу во сне.

– Это Леониды⁵, – мягко сказал он.

Она положила голову ему на плечо. Во тьме на берегу озера было заметно какое-то движение: на сушу выносили тела. Кое-кто причитал, чей-то голос требовал, чтобы принесли больше носилок и одеял. Двое вернулись в постель и снова потерялись друг в друге. На этот раз она чувствовала, что рядом с членом в ней скользит его палец; он порхал туда-сюда в ином направлении и быстрее. Это напоминало ей падающие звезды и вызывало вихри и водовороты, как в штормящем озере. Было ясно, что буря еще не кончилась, – прямо над озером блеснул вертикальный зигзаг молнии; боковым зрением они видели, как она рассекла надвое черное пространство окна и вздыбила занавески.

– Что за ярость, – прошептал он; услышав это, она постаралась гладить его еще нежнее, самым кончиком ногтя.

В то же время другой его палец проник в ее анус; она почувствовала боль, но хотела, чтобы было еще больше.

На озере виднелись огни – спасательные лодки все еще искали тела погибших. Спасатели сами еще не пришли в себя от грохота грома у них над головой, скорее не последовавшего за ударом молнии, превратившей ночь в день, а предвестившего его. Ветер поднялся снова, и они лихорадочно погребли к берегу, – той ночью уже не оставалось надежды найти кого-нибудь еще. Отель был наполнен возбужденными или обезумевшими людьми; стеклянные двери не переставали хлопать – в отель вносились все новые и новые тела. Вода в бильярдной, расположенной в цоколе здания, поднялась почти до луз, но армейский майор невозмутимо бродил вокруг стола, намереваясь закончить партию. Он взял последний красный шар и все цвета до розового. Ему предстоял сложный прямой удар через всю длину стола, но он выполнил его четко, и шар упал в дальнюю лузу. Когда вода поднялась ему до бедер, он хлебнул пива и натер мелом кий. Черный шар пристроился возле самого борта, но он закрутил белый, чтобы тот отскочил. Удар был прекрасен, и черный шар шлепнулся в водяную могилу. Майор играл сам с собой, поскольку его партнер, священник, бросился соборовать умирающих. С мрачной улыбкой поздравив самого себя, майор повесил кий и выплыл из бильярдной. Любовники в верхней комнате спали, невзирая на то что оконную раму сотрясал буйный ветер; они спали, положив друг на друга руки, как будто опасались, что каким-то образом могут исчезнуть в ночи. На ветку ели, раскачивающуюся напротив их балкона, забралась одуревшая от испуга черная кошка. Она напряглась, рассчитывая прыжок на балкон, но почувствовала, что расстояние слишком велико.

Только через два дня кто-то увидел, что на дереве сидит кошка. Молодые любовники слышали какой-то скрип и, выбравшись из постели посмотреть, в чем дело, увидели, что по длинной стремянке, сгибающейся и скрипевшей под его весом, взбирается майор. Из-за занавесок, раздуваемых легким ветром, они наблюдали за сложной спасательной операцией. Кошка шипела, выгибая спину, и оцарапала майору руку, когда он потянулся за ней. Вояка грубо выругался, чем заставил молодую женщину покраснеть, – она не привыкла к таким выражениям. В конце концов майор все-таки спустился с лестницы с кошкой, вцепившейся ему в плечи.

Когда молодая женщина увидела алые стигматы на руке майора, она тут же почувствовала, что из ее собственного тела выделяются зловонные сгустки крови, и сообщила

⁵ Метеорный поток, наблюдаемый в середине ноября в созвездии Льва.

любовнику плохие вести. К ее удивлению и радости, он не расстроился, однако затруднение, конечно, возникло: ведь у нее совсем не было багажа. Она оставила свой тяжелый чемодан в коридоре магистрального поезда, а когда все пассажиры толпой пошли на выход посреди выжженной равнины у маленькой деревушки, кто-то из них – должно быть, по ошибке – взял ее чемодан. Она не верила, что его украли. Но так или иначе, ко времени пересадки на узловой станции он исчез, а вместе с ним и платья, белье, туалетные принадлежности и подарки для сына и матери.

Им пришлось позвонить горничной. Вежливая девушка, японская студентка, зарабатывающая деньги на обучение, никак не могла понять, какого рода трудности у молодой женщины, и той пришлось нарисовать ущербную луну рядом с женской фигуркой, составленной из палочек. Горничная покраснела и удалилась. К счастью, у нее самой были месячные, и она вернулась с полотенцем. Смущенно отказавшись от чаевых, она поспешила уйти.

Они лежали, рассматривая его семейные фотографии. Ее рассмешил снимок Фрейда на море, где на нем был купальный костюм в черно-белую полоску, возможно, из того же материала, что и ее платье. Юноша тоже смеялся; чувствовалось, что он особенно привязан к своей младшей сестре. Но при взгляде на нее улыбка сменилась печалью.

Когда они спустились вниз пообедать, он спросил, достаточно ли хорошо она себя чувствует, чтобы потанцевать под цыганский оркестр. Пока они кружились между столами, она опиралась на его руку.

– А ты чувствуешь, как течет кровь? – спросил он.

– Всегда, – сказала она. – Я заболеваю каждую осень.

Возбужденный запахом вишневой помады, он поцеловал ее, после чего теплый и липкий аромат сразу же заставил его хотеть большего. Ей пришлось отодвинуться, чтобы перевести дыхание, но вишневый привкус ее помады у него на губах был очень притягателен, и они снова стали целоваться, бесчисленное количество раз быстро касаясь друг друга губами. Она снова оторвалась, сказав, что из-за музыки ей захотелось петь. Но и так слишком много танцующих и обедающих смотрело на них. Он задрал спереди ее платье; она слабо пыталась его одернуть, но у самой при этом сжималось горло от удовольствия, а он настаивал:

– Пожалуйста, разреши мне. Пожалуйста.

Он нашептывал это ей, вращая в ушной раковине кончиком языка.

– Но ты будешь весь в крови, – прошептала она.

– Я не против, – сказал он. – Я хочу твоей крови.

Она снова обняла его за шею и позволила ему делать все, что он хотел. Танцующий и обедающий люд подмигивал и улыбался им, и они улыбались в ответ.

– Крови достаточно? – спросил он, срезая с мяса жир.

Она поймала его пальцы и поцеловала их.

– Лучше не бывает, – сказала она, – разве не так?

Бифштекс возместил ей потерю крови, и после обеда они бегом спустились к деревьям и снова совокупились, на траве у озера. Иногда, когда открывалась дверь, они слышали цыганскую музыку, а над головой сверкали невероятно огромные звезды. Ей было не очень удобно любить его, истекая кровью, но, с другой стороны, не надо было опасаться последствий, и она могла дать себе волю. Когда после полуночи они поднялись по лестнице, то обнаружили, что в комнату влетело еще несколько кленовых листьев. Она шутливо сказала, что сможет найти им применение. Попросив у него зубную щетку, она принялась чистить зубы, а он обнял ее и стал нежно целовать в ямочку под затылком. Еще несколько раз сверкали молнии – зарница за зарницей без громового сопровождения неимоверно приближали заснеженные вершины гор и высвечивали следы разрушений, оставленные штормом и наводнением.

Открытки, отправленные из белого отеля

Пожилой сиделкой:

Делаю все, что могу, для милой молодой четы – и он, и она парализованы. Очень смело с их стороны вместе поехать на отдых. Они прикорнули в шезлонгах, накрывшись одним пледом (мы плывем на яхте посреди озера). Еда превосходна, и Элиза выздоравливает, она шлет поцелуй.

Секретаршей:

Напоследок надеешься, что там, где окажешься, будет тепло и сухо; у нас очень жарко, на небе ни облачка, все в мареве, мы на судне посреди озера, обгладываем куриные косточки и попиваем вино. Отель превосходен, даже лучше, чем в рекламной брошюре, да и люди неплохие.

Священником:

Я узрел три мачты как символ страстей Господних, а белый парус как Его Плащаницу; теперь вина за то, что я покинул свою паству, кажется мне не такой безмерной. Надеюсь, мама, что у тебя все в порядке. Погода превосходная. Несколько дней назад прелестная девушка-католичка утонула у меня на глазах. Не волнуйся обо мне. Я читаю книжечку, что ты мне прислала.

Горничной-японкой:

Чудо сказать – мои любовники (пара, у которой медовый месяц) встали ни свет ни заря и отправились на прогулку на яхте. Значит, нам с напарницей придется целый день убирать их постель, она в неописуемом состоянии. Нет ни минуты даже написать хокку.

Корсетницей:

Вода кажется жутко холодной, но завтра я соберусь с духом и искупаюсь. Я веду рукой по воде, опустив ее за борт судна. Не хотела бы говорить, где находится рука молодого человека, что сидит неподалеку от меня со своей девушкой. Ну что ж, жизнь должна продолжаться. Конечно, все не так, когда ты лишаешься спутника, но ради моего дорогого мужа я должна постараться хорошо провести остаток отпуска.

Майором:

Эта яхта больше похожа на военный транспорт, чем на прогулочное судно. По сравнению с довоенным временем все переменялось. Мы просто вдавлены друг в друга. Мне бы добрый «Гатлинг», чтобы расчистить пространство. Наводнения было слишком мало. Трупы! Повсюду! Завтра первым поездом приезжает Дик.

Часовщиком:

Он вспыхнул, как промасленная ветошь. Только что мы наслаждались приятной водной прогулкой, а в следующий миг увидели, что наш отель горит, как фанера. Яркое пламя затмило даже солнце. Что ж, все наши пожитки сгорели, кроме той одежды, что на нас.

Ботаником:

Это разбивает мне сердце. Вчера я нашел очень редкий вид эдельвейса. Я, конечно же, оставил его в отеле, а теперь он исчез в пламени.

Женой банкира:

Не могла поверить своим глазам. По ту сторону озера прямо у нас на глазах сгорал дотла наш отель, а этот парень потянул к себе свою девицу и усадил к себе на колени! Понимаете, что я имею в виду? Как игра, когда кольца накидывают на штырь! И это в то время, когда вокруг кричат люди, у которых в отеле остались близкие.

Страховым агентом:

Жутко было видеть, как они выпрыгивали из окон верхних этажей. Огонь пытались тушить струями воды, но это не очень-то помогало. Слава богу, что Элинора была со мной. А я-то убеждал ее остаться в отеле и отдохнуть! Как бы то ни было, с нами все в порядке, и мы надеемся с тобой увидеться.

Его женой:

Слава всемилостивому Господу, Губерт был со мной. Ему не очень хотелось отправляться на лодочную прогулку после наводнения, но я его уговорила. Погода чудесная, хотя ночи довольно прохладные. Уже достаточно долгое время я чувствую себя намного лучше, и мы познакомились с очень милыми людьми.

Мальчиком:

Они свисали с деревьев, как волшебные фонари.

Пастором:

Но мертвые восстанут, я этого не боюсь. И истлевшая плоть станет нетленной. Пожилая дама, с которой мы вместе ходили в горы, погибла в огне. И все же душа моя будет воспевать Господа.

Четой новобрачных:

Это омрачило наш отпуск, но мы все равно счастливы. Здесь озеро и горы, это прекрасное место, от видов просто дух захватывает.

Женой пекаря:

Наши сердца разрываются от горя. Дорогая мамочка умерла в ужасном пожаре в отеле. Мы, благодарение Богу, были на яхте, но все видели. Он вспыхнул, как бумага. И мы видели ее номер. Но она была уже старенькой, так что не стоит горевать очень сильно. Ради детей мы стараемся быть повеселее, и вам надо вести себя так же.

Коммивояжером:

В одной из спален долгое время были опущены шторы, а вчера их открыли; полагают, что это как-то связано со случившимся, хотя я не знаю, каким образом.

Его любовницей:

Думают, что одна из горничных, прибирая постели, украдкой курила. Я видела, как в коридоре курила горничная-японка, это выглядело забавно –

ведь обычно они так изысканны. К счастью, это случилось в другом крыле, так что с нашими вещами все в порядке.

Пожилкой супружеской парой:

Говорят, что гора (где все еще много снега) отразила солнечные лучи. Думаю, это что-то наподобие лупы, с помощью которой мы читаем. Так это или нет, но случилась ужасная трагедия, так что опасайся пожаров, дорогая. Персонал отеля великолепен. Все равно стоило сюда приехать, лучший наш отдых за всю жизнь. Сердечно благодарим тебя за предоставленную возможность.

Оперной певицей:

Я отправилась в горы на несколько дней, чтобы отдохнуть перед возвращением домой. Думаю, это идет мне на пользу. Последние недели были очень напряженными, поэтому так хорошо ничего не делать и лишь наслаждаться вкусной едой и прекрасными пейзажами. Единственный недостаток – я не очень хорошо сплю по ночам, но понемногу начинаю расслабляться. Скоро увидимся.

Швеей:

Малышка моя умерла, мое сердце разбито. Я обещала послать тебе открытку, дорогой, но не с такими вестями! Хоронить будут здесь. Выезжаю сразу же после похорон.

Адвокатом:

Единственный недостаток – шум по ночам. Конечно, им можно посочувствовать, но мы тоже многое потеряли, и это еще не повод для того, чтобы не давать порядочным людям нормально спать в отведенное для сна время. Естественно, мы пожаловались управляющему, но тот либо не хочет, либо не может на них воздействовать.

Отставной проституткой:

Один джентльмен сделал мне комплимент по поводу моей фигуры, значит, уже почти ничего не видно. Я с каждым днем прибавляю в силе и начинаю к этому привыкать. Чувствую, что меня слегка клонит влево, но, думаю, это пройдет. Мне еще повезло, здесь много гораздо более тяжелых больных. Погода хорошая, а кормят превосходно.

* * *

Настроения танцевать ни у кого не было. Гости молча обедали и, глубоко растроганные, внимали цыганскому оркестру, который наигрывал приятные, грустные мелодии. Один из оркестрантов, виолончелист, сам был захвачен пожаром в лифте и обгорел до неузнаваемости. Возможно, молодые влюбленные и потанцевали бы, но они не явились к обеду.

Во время одной из пауз между мелодиями, когда был слышен лишь приглушенный говор грустных голосов и деликатное постукивание подаваемых блюд, майор (он всегда обедал один за маленьким столиком в углу) поднялся, прошел к эстраде, тихо сказал что-то пухлому и потному руководителю оркестра, тот кивнул ему, и майор обратился к гостям в микрофон. Он сказал, что хотел бы поговорить по неотложному делу, желательно со всеми из присутствующих; не будут ли они так любезны, покончив с едой и захватив из бара что-

нибудь выпить, собраться в бильярдной. Какое-то время после его слов стояла тишина, потом разговоры возобновились с новой силой. Около трети постояльцев решили узнать, о чем с ними хочет поговорить «сумасшедший майор» (многие называли его именно так). Осушив кофейные чашечки и взяв в баре бренди и ликеры, внушительная толпа спустилась в бильярдную и в несколько рядов расселась вокруг стола. Зеленое сукно еще не высохло после наводнения и мерцало в свете лампы, как прямоугольный бассейн, подернутый ряской.

Майор, англичанин по имени Лайонхарт, стоял у борта стола, ожидая, пока рассядутся опоздавшие.

– Спасибо, что пришли, – сказал он твердо и звучно. – Разрешите мне сразу рассеять ваши опасения: я собрал вас не для того, чтобы говорить о смерти. Мы со смертью старые знакомые, и она меня не пугает. Мы скорбим по тем, кто погиб при пожаре и наводнении, но не это предмет нашего разговора. Такое случается. На то воля Божья. Мы не должны чересчур омрачать свои души из-за того, что случилось.

При этих словах волна согласия прокатилась среди слушателей, и кое-кто из них взглянул на высокого и статного военного с возросшим уважением.

Майор опустил взгляд и очень медленно, как бы собираясь с мыслями, загасил сигарету. В бильярдной стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь мурлыканьем черной кошки, жившей в отеле (большой любимицы многих постояльцев), – она тайком пробралась сквозь толпу и теперь, свернувшись клубочком, лежала на коленях у жены часовщика, а та ее гладила. Кошка сильно обгорела во время пожара, но, по счастью, уцелела.

– Однако же происходят странные вещи, – твердым голосом продолжил майор.

Он сделал паузу, чтобы его слова дошли до слушателей. В его речи чувствовался отзвук военной властности. Должно быть, он немало повоевал, подумал Генри Пуссен, инженер. Люди, подобные Лайонхарту, ничего собой не представляют, пока лейтмотивом времени не становятся опасность и насилие, а когда эти дни минуют, они опять делаются ничтожествами, разве что чуть в другом роде; но пока в мире раздаются эти ноты, именно такие люди наиболее необходимы.

– А вы не хотели бы как-нибудь доказать свое утверждение, майор? – резко спросил Фогель, немецкий адвокат.

Майор посмотрел на него с плохо скрытым презрением. Фогель был циником и трусом; как-то раз его поймали на мошенничестве при игре в карты.

– Конечно, – спокойно сказал майор. – Падающие звезды.

При этих словах все, за исключением Фогеля, затаили дыхание, так что молчание собравшихся сделалось мертвой тишиной.

– Все их видели, – тихо продолжал майор, – не один-два человека, а все; и не в одну из ночей, а почти каждую ночь. Крупные, яркие, белые звезды.

– Большие, как кленовые листья, – мягко и как бы в полудреме сказала любовница коммивояжера. Она сжала ладони, словно испугавшись того, что произнесла.

– Точно, – сказал майор.

– А листья у вязов – красные, – сказал часовщик, вскакивая и отбрасывая руку жены. – Кто-нибудь это заметил?

Он взволнованно огляделся, и несколько голов кивнули в знак подтверждения. Он имел в виду рожицу вязов в конце лужайки за отелем. Люди, которые ему кивнули, опускали глаза и нервно облизывали губы. Другие голоса возбужденно утверждали, что это не так. Но в них было мало убежденности, и скоро они стихли. Снова воцарилась всеобщая тишина, и в комнате отчетливо повеяло холодом. Боясь допустить, чтобы людьми овладели тревога и уныние, майор предложил на несколько минут прерваться, – пусть каждый поднимется наверх и вновь наполнит свой стакан. Почувствовав неожиданную усталость, сам он присел,

и сквозь шумную толпу, проталкивающуюся к лестнице, к нему скользнул Фогель, злобно поблескивая своим пенсне.

– Вы меня удивляете, Лайонхарт, – сказал он достаточно небрежно, но в его голосе угадывалась металлическая грань презрения и недовольства.

– В самом деле? И чем же? – спросил майор, откинувшись назад в кресле.

– Тем, что распространяете панику среди дам. Почему бы не оставить их в покое? Я, конечно, ни на миг не верю вашим паникерским рассказам. Но если предположить, что они чем-то обоснованы, зачем вам обязательно посвящать в это женщин?

– Во-первых, Фогель, вы недооцениваете умственные способности женщин. Это свойственно людям сидячих профессий – и это всегда недальновидно, а иногда и опасно.

Фогель слегка покраснел, но пока держал себя в руках.

– А во-вторых?

– Ради их собственной безопасности – и безопасности всех нас – они должны осознать, что нам могут угрожать вещи, которых мы не понимаем. По крайней мере, я не притворяюсь, что понимаю их. Правда, я не обладаю преимуществами немецкого образования.

Адвокат резко отвернулся. Майор подсадовал было, что позволил столь некорректному замечанию вырваться из своих уст, но его мысли уже опять обратились к более серьезному делу – все постояльцы успели вернуться с наполненными стаканами и ждали его, чтобы продолжить обсуждение. Поднявшись на ноги, он на миг почувствовал головокружение и, слегка покачнувшись, ухватился за влажный борт бильярдного стола.

– Очень важно, – сказал он, – чтобы мы честно поделились тем, что видели – или полагаем, что видели, – и по возможности нашли всему разумное объяснение. Например, я не знаю: один ли я видел молнию, ударившую в озеро? Синевато-багровый разряд, абсолютно вертикальный.

Он вопросительно огляделся. После краткого напряженного молчания старуха-сиделка, покраснев, тихо сказала:

– Нет, я тоже это видела.

– И я, – сказал горбоносый, изможденного вида бухгалтер. Его жена тоже решительно кивнула. Еще несколько человек смущенными мягкими жестами выразили согласие, в задумчивости и смятении отхлебывая из своих стаканов. Майор спросил, может ли кто-нибудь еще рассказать о каких-либо странных случаях.

– Стая китов, – сказала миловидная молодая блондинка-секретарша. – Вчера рано утром, когда я спустилась поплавать. Я решила, что мне это видится, точнее, что я *не могу* этого видеть, если вы понимаете, что я хочу сказать, – ведь у озера нет стока. Такое просто невероятно. Но сейчас вы заставили меня снова задуматься об этом. Я уверена, что то не были низко лежащие облака.

– Может, вам привиделось это с похмелья? – ухмыляясь, сказал Фогель.

– Нет, я их *видела* тоже, – сказала его бледная сестра. – Прости, Фридрих, – торопливо добавила она, – но я должна сказать правду. Мне пришлось встать на рассвете – по некой причине, которую нет необходимости указывать, – и я выглянула в окно.

– И увидели китов? – с мягкой, доброй улыбкой переспросил майор.

– Да, – сказала она, комкая платочек, а Фогель посмотрел на нее с презрением и ненавистью.

Оказалось, что никто больше не видел китов; но накануне больше никто и не вставал на рассвете, а болезненно честное свидетельство сестры Фогеля оказало воздействие на настроение собравшихся.

– Еще кто-нибудь хочет что-то сообщить? – отрывисто произнес майор. – Странные события, необычные видения?

Все переглянулись в полной тишине.

– Тогда давайте рассмотрим, что мы имеем. Падающие звезды. Красные листья. Молнии. Стая китов.

Тут в дело вмешался Болотников-Лесков, до сих пор задумчиво и отстраненно сидевший в самом дальнем углу, поглаживая свою короткую элегантную бородку. Голос столь выдающегося государственного деятеля сразу привлек к себе всеобщее внимание, включая даже тех, кто не соглашался с его политикой.

– Не могу ничего предложить, – он вздохнул и развел руками, – в объяснение падающим звездам, красным листьям или же молнии. Но мне кажется, я могу объяснить появление китов. Мадам Коттен, – он поклонился полной даме в голубом платье, которая с улыбкой кивнула ему в ответ, – является корсетницей. А частью любого корсета – грубо говоря – является убитый кит. Китовый ус, понимаете? Мне кажется, можно предположить, что ее присутствие среди нас – которое благодаря ее исключительной теплоте и жизнерадостности так нас всех воодушевляет, – так сказать, «вызвало» китов. Привлекло их, завлекло, примаанило – назовите как угодно.

Мадам Коттен, обмахивая веером раскрасневшиеся щеки, сказала, что и в самом деле знает случаи, когда дамы видели китов, если она – мадам Коттен – была где-то поблизости.

Болотников-Лесков благодарно покивал ей, покраснев как мальчик.

Разумное или почти разумное объяснение появления китов приободрило собравшихся, и несколько человек набрались смелости рассказать о явлениях, свидетелями которых они были, но оказались слишком напуганы, чтобы о них упомянуть. Пастор-лютеранин сказал с неуверенностью в голосе, что видел грудь, летящую сквозь тисовую рощу, когда как-то вечером перед обедом поднимался по тропинке к церкви.

– Сначала я решил, что это летучая мышь, – сказал он, – но сосок был виден совершенно отчетливо.

Седоволосая женщина с объемистым бюстом призналась, что ей недавно удалили грудь из-за того, что та непрерывно росла. Майор Лайонхарт поблагодарил ее за откровенность, и среди присутствующих пробежал сочувственный шепот. Фогель, совершенно желтый, заявил, что, как ему *кажется*, он видел окаменевший эмбрион, плававший в мелких водах озера, но это с тем же успехом могло быть куском окаменелого дерева. Его сестра, начиная плакать, призналась, что лет десять тому назад сделала аборт. После этого наступила болезненная тишина, и каждому стало ясно, что Фогель ничего об этом не знал. Лицо у него задрожало, и майор ощутил прилив сочувствия к этому иссушенному немецкому адвокату.

Сестра Фогеля уже неудержимо рыдала. Звук был сухой, мучительный, почти невыносимый для слуха; и мужчины, которые не моргнув глазом пережили и наводнение, и пожар, теперь торопливо закуривали сигареты и сигары, чтобы немного успокоить нервы. Все почувствовали огромное облегчение, когда пастор перегнулся через Фогеля, ласково, но твердо взял женщину за руку и повел ее из комнаты, пробираясь между постелями и бильярдным столом. Пока они шли к выходу, сидевшие поодаль видели, как жена пекаря подталкивает мужа локтем и что-то ему шепчет, а он отрицательно качает головой. Но когда снова воцарилась тишина, пекарь встал на ноги и, по-рабочему невнятно и едва слышно, рассказал о том, как видел матку, скользившую через озеро. Он был там совсем один, удил рыбу. Матка едва касалась поверхности воды и вскоре исчезла.

– Порой разное может померещиться, когда удишь рыбу один, особенно на заре или в сумерках. Но то было точно, о чем я говорю.

Он уселся, взглядом ища у жены поддержки.

Внимая комично-простонародному акценту пекаря, майор Лайонхарт не смог удержаться от усмешки, выказавшей его желтые зубы, хотя он и пытался притвориться, что играет желваками; даже Болотников-Лесков, несмотря на все свои революционные идеалы, украдкой улыбнулся. Майор спросил, не видел ли кто-нибудь еще скользившей по воде

матки. В тишине кто-то предположил, что пекарь видел каравай хлеба, и раздались смешки, снявшие напряжение. Но все тот же анонимный мужской голос, раздававшийся из тени в углу, проскрипел:

– А ледники кто-нибудь видел? В горах, наверху.

Эти слова стерли все улыбки, и в комнате опять повеяло холодом.

То тот, то другой постоялец пытался объяснить падающие звезды, молнию, красные листья и ледники. Ни одно из этих объяснений не прозвучало убедительно, даже для тех, кто их выдвигал. Закрывая собрание, майор призвал всех быть бдительными. Болотников-Лесков от имени всех присутствующих поблагодарил майора – по рядам опять пробежал согласный шепоток – и предложил, чтобы, оказавшись свидетелями еще какого-нибудь необъяснимого явления, они сразу же ставили бы в известность майора, который будет облечен полномочием созвать собрание вновь, если и когда сочтет это необходимым. Это предложение было встречено приглушенными возгласами одобрения.

Когда постояльцы попарно поднимались вверх по лестнице, пекарь обнаружил, что идет рядом с престарелой сиделкой. Та воспользовалась случаем рассказать ему, что ее внучатая племянница, которая сегодня почувствовала себя дурно и рано легла спать, месяц назад подверглась операции по удалению матки.

– Я привезла ее сюда для восстановления сил, – сказала она негромко, не желая, чтобы ее услышал кто-нибудь еще. – Это очень печально, ведь ей лишь слегка за двадцать. При всех я не стала об этом говорить, потому что она расстроилась бы, если бы об этом узнали. Она и так донельзя огорчена. Но я хочу, чтобы об этом знали вы и ваша жена.

Пекарь с благодарностью сжал ей руку.

Все это происходило за несколько дней до того, как юные влюбленные опять отважились спуститься вниз пообедать. Оказавшись в зале, они обнаружили, что их столик предоставлен другим постояльцам. Поток преисполненных надежд посетителей, жаждущих попасть в белый отель, попросту не было конца, и пустующий стол был поэтому непозволительной роскошью. Метрдотель извиняющимся тоном объяснил это молодой чете, добавив, что полагал, что они и впредь намереваются есть у себя в номере. Он попросил их подождать немного, пока он не обменяется несколькими словами с пышущей весельем, вызывающе привлекательной искусственной блондинкой, мадам Коттен, которая сидела одна за столиком для двоих. Мадам Коттен улыбнулась в знак согласия, приветливо кивнула молодой паре, и метрдотель быстро принес еще один стул и проводил их к ее столику. Сидеть пришлось в тесноте, и молодой человек рассыпался в извинениях за то, что они нарушили ее уединение, но мадам Коттен со смехом отвергла все его сожаления, добродушно похихтывая, когда их ноги нежданно сталкивались под столом.

Она сказала, что счастлива оказаться в чьем-либо обществе. Муж ее погиб при наводнении, и одиночество она переносит с трудом. Она достала платок и промокнула показавшиеся на глазах слезы, но вскоре в свою очередь принялась извиняться за то, что навязывает им свое горе.

– Я стараюсь плакать как можно реже, – сказала она. – Вначале я была безутешна – и уверена, что всем было тяжело рядом со мной. Но я велела себе собраться. Это несправедливо по отношению к остальным, кто приехал сюда, чтобы повеселиться.

Юноша сказал, что восхищен ее мужеством. Он заметил ее в предыдущий раз, когда они выходили обедать, и видел, как она смеется и танцует, – поистине она в тот вечер была душой общества. Мадам Коттен криво улыбнулась. Это было непросто, сказала она. В сущности, это ужасно больно – притворяться полной веселья, когда твое сердце не здесь, а в гробу вместе с мужем.

Стало немного легче, добавила она, после того трагического пожара. Свежее горе остальных как бы увеличило расстояние между нею и ее тяжелой утратой. К тому же, по

сравнению со сгоревшими, утопленники кажутся погибшими более милосердной смертью. Всегда можно встретить кого-то, кому еще хуже, чем вам, сказала она, снова утирая слезы, но вслед за тем, не желая испортить вечер, повеселела и принялась излагать забавные истории, по большей части о своих заказчиках. Оба просто влюбились в мадам Коттен. Слезы струились у них по щекам, когда она рассказывала о том, как дамы (и даже джентльмены!) примеряют корсеты. Наевшись от души, она похлопала себя по туго затянутому животу, замечая, что сама она – живая реклама своих товаров. «Здесь я весьма выдающаяся особа!» Она рассмеялась, широко распахнув руки, как рыбак, рассказывающий о своем улове. Пекарь, сидевший в противоположном углу зала, встретился с нею взглядом, по-своему истолковал ее жест и распахнул руки еще шире, довольный ухмыляясь. Вечер пронесся так незаметно, как будто часовщик за столом поодаль заставил все часы – и наручные, и стенные – идти втрое быстрее.

Влюбленные проводили мадам Коттен до ее номера – и оказалось, что он рядом с их собственным, изголовье их кровати было обращено прямо к нему. Из ночи в ночь из этого номера до них доносились душераздирающие рыдания. Их восхищение ею возросло еще больше – они почувствовали, чего ей стоило сдерживать свою скорбь на протяжении всего дня. И в эту ночь снова, упав друг другу в объятия и нетерпеливо раздевая один другого, они расслышали, как сокрушается за стеной мадам Коттен. Вскоре, однако, они перестали различать эти звуки, поглощенные своей страстью.

Позже они впервые поссорились – так, как это бывает между влюбленными, – очень по-доброму, шепотом. Он был убежден, что в черном небе за окном мелькают падающие звезды, она же утверждала, что это белые розы. Но когда вниз проплыла апельсиновая роща, в чем не могло быть никакого сомнения, они прекратили шептаться, в изумлении следя за нею. Сверкающие апельсины виднелись среди темной шелестящей листвы. Любовники вышли на балкон, чтобы увидеть, как роща упадет в озеро. Каждый плод по отдельности шипел, погасая, стоило ему коснуться спокойной глади озерной воды.

Скрытая от их глаз, мадам Коттен в это же время стояла на своем балконе. Она никак не могла уснуть. На озере виднелись сотни фонарей, их по очереди драпировали черной тканью. Она уже выплакалась до следующей ночи. Сняв платье и облачившись в полотняную ночную рубашку, она выплеснула с балкона почти полную склянку слез.

Совершенно опустошенные, любовники бок о бок лежали в постели. Было странным и освежающим не слышать никаких признаков горя. Они понятия не имели о том, который теперь час. Время, мчавшееся вечером, теперь тянулось для мадам Коттен, лежавшей с открытыми глазами в темноте; и по-разному не существовало для спящих постояльцев, для мертвых в прохладных хранилищах внизу и для влюбленных. Их души, удерживавшие равновесие на краю сна, как если бы кто-то, измучившись жарой, рискнул устроиться спать на перилах балкона, приводили себя в созвучие со всеобщей тишиной. У нее слух был тоньше, и она различала звуки, которых для него не существовало. Даже их пальцы не соприкасались. Порой его рука устало поглаживала холмик спутанных волос на ее лобке, скорее с нежностью, чем с вожделением. Ей нравилось, когда он так делал.

Он нарушил безмолвие, шепнув, что это напоминает ему тот холм, на котором он часто играл и шалил, будучи мальчиком. Холм был покрыт папоротником, и он со своим двоюродным братом играл там в охотников. Он помнил то смешанное со страхом наслаждение, когда или ты кого-то выслеживаешь, или за тобой крадутся сквозь густые, тяжело пахнущие цветущие папоротники. Только в то время он был по-настоящему близок к земле.

– Мой отец говорит, что, где бы ни имела место любовная близость, там всегда присутствуют четверо, – сказал он. – Конечно, они сейчас здесь. Мои родители.

Молодая женщина увидела в ногах кровати сурового Фрейда, стоявшего рядом со своей застенчивой женой. Черный костюм Фрейда и белая ночная рубашка его жены рас-

творились и растаяли, превратившись в ее платье, смутно видневшееся на полу, куда она его бросила.

Больше всего они любили закаты. Горы исторгали из себя крутящиеся розовые облака, подобные цветкам. (Старушка-сиделка однажды вечером видела, как все небо превратилось в огромную алую розу с бесконечным сплетением лепестков; ведѣмая чувством долга, она тут же отправилась сообщить об этом майору.) Роза была совершенно неподвижной, но все же казалось, что она по спирали ввинчивается внутрь себя, и у любовников возникло жуткое ощущение, что вся земля поворачивается, как колесо. Когда подкралась ночь, ее груди так же вращались под его ладонями; и его язык тоже вращался, нежно ударяя по ее женскому естеству или же пытаясь проникнуть все глубже и глубже, как будто желая пробить в горном склоне тоннель. Она была настолько распахнута, что чувствовала, как ее влагалище, сделавшись полым наподобие пещеры, исторгает из себя воздух, как бывает при пускании ветров, и это вгоняло ее в краску, хотя и она, и он знали, что дело совсем в другом.

Время своими мягкими руками хирурга понемногу залечивало раны мадам Коттен. Любовники целый день оставались в душной комнате, а она тем временем прогуливалась вокруг озера с отцом Мареком, старым и добрым католическим священником. Непреложность его высказываний служила ей большим утешением. Он настаивал на том, что ей необходимо вернуться в лоно церкви, уподобляя это одному из ее прочных корсетов. Церковные догматы, говорил он с улыбкой, служат корсетом для души. Восхищенная этой аналогией, она рассмеялась. После прекрасной долгой утренней прогулки среди деревьев и полевых цветов священник и корсетница решили перекусить в весьма неплохом трактире, расположенном на берегу озера за много миль от какого-либо жилья. Вынося бутерброды с сыром к столикам, расставленным прямо на берегу, они наткнулись на Фогеля и Болотникова-Лескова и почувствовали себя обязанными присоединиться к ним, хотя ни те ни другие не испытывали от этой встречи никакого удовольствия. Болотников-Лесков пустился в политические разглагольствования и набрал уже слишком большую инерцию, чтобы остановиться. Проблема, разъяснял он (пока мадам Коттен грустно улыбалась, а ее взгляд рассеянно блуждал по озерной глади), состоит в том, что его партия наилучшим образом подходит для масс, но массы, к сожалению, не в состоянии этого понять. Он выражал опасение, что бомба окажется единственным решением вопроса.

От орлиного взора Фогеля не ускользнуло то, что у священника подрагивает рука, когда тот поднимает стакан со сливовым соком; он также отметил красноту его лица. Юридический опыт подсказал ему, что отца Марека отправили на отдых для того, чтобы тот немного «просох». Священник-мужчина и корсетница-женщина быстро покончили со своими бутербродами и извинились за то, что так поспешно покидают сотрапезников. Они сказали, что хотят успеть обойти вокруг всего озера.

Юные любовники ссорились вторично, и на сей раз более серьезно. Он ревниво допрашивал ее о том, что у нее бывало в постели с мужем, и это ее раздражало – ведь все было так давно и так несущественно. В этом споре впервые обнаружилась его незрелость; до сих пор небольшая разница в возрасте казалась совершенно незначительной. Она даже никогда ее прежде не замечала. Но теперь, из-за его ребяческой вспышки ревности к умершему, разница в возрасте оказалась заметна уж слишком сильно. Из-за этого она стала раздражаться и по другим поводам – например, из-за мерзких турецких сигарет, которыми он непрестанно дымил, наполняя комнату прогорклым запахом и, вне всякого сомнения, навсегда губя ее певческий голос.

Конечно, в конце концов все стало даже еще очаровательней, чем прежде. Соединившись в любовном объятии и глядя в глаза друг другу, они не могли поверить, что только что обменивались враждебными словами. Но чтобы показать, что он для нее значит куда больше, чем муж, ей пришлось совершить нечто непривычное – взять в рот его пенис. Она

испытала потрясающую степень близости, оказавшись с глазу на глаз с этим роскошным тюльпановым бутонем, с этим пышущим жаром, словно бы дымящимся монстром, на самом конце которого – в углублении – поблескивала, однако, прозрачная, как роса, капелька. Взять его в рот казалось столь же невообразимым, как позволить войти в себя бычьему члену. Но, боязливо прикрыв глаза, она сделала это, лишь бы доказать, что его она любит больше, чем мужа. И это не оказалось неприятным, более того – это настолько не было неприятным, что она, недоумевая, стискивала его губами, ласкала языком и сосала, так что он наливался у нее во рту еще большей силой, пока наконец брызнувшая из него струя не ударила ей в гортань. Обуреваемый ревностью, он поносил ее мерзкими словами, которые возбуждали ее весьма необычным образом.

Это по-новому взволновало их, как раз тогда, когда они полагали, что новизна уже себя исчерпала. И, в нарушение всех общеизвестных норм, примерно в это же время в груди у нее снова появилось молоко – так нескончаемо долго прикипал он к ее соскам.

Когда они спустились к обеду, ей казалось, что груди у нее вот-вот лопнут. Они наслаждались жизнерадостным шумом, смехом постояльцев, беготней официантов, искрометностью цыганского оркестра, ароматом блюд; ее переполненные груди, подпрыгивавшие под шелком, когда она проходила между столов, восторгались всем этим. Атмосфера белого отеля была восстановлена. Время все излечило. Жизнерадостность воскресла. Цыгане обнаружили среди постояльцев итальянского скрипача, игравшего в одном из прославленных оркестров; он был несравненно лучше погибшего собрата по профессии, так что они, хотя и скорбели по своему товарищу, от души радовались великолепным звукам, рождаемым ими, ибо вызов, брошенный им новым музыкантом, заставил их скромное мастерство подняться к новым высотам.

Кое-кто из постояльцев уехал, и метрдотель получил возможность предложить молодым влюбленным новый, более просторный стол. Они сели обедать с мадам Коттен и священником. Те, проведя весь день на солнце и свежем воздухе, пребывали в безмятежном, приподнятом состоянии духа. Краснолицый старик поощряюще и одобрительно взмахнул рукой, когда молодая женщина расстегнула лиф платья, объяснив, что груди у нее переполнены и болят. Он посочувствовал, потому что его мать страдала тем же самым, когда была помоложе. Юноша, салфеткой вытерев с губ красное вино, наклонился, чтобы взять в рот сосок, но прежде, чем он успел это сделать, молоко ударило струей, попав на скатерть. Женщина пунцово покраснела и рассыпалась в извинениях, но отец Марек и мадам Коттен рассмеялись, отвергая их, а официант подбежал и вытер лужицу своим белым полотенцем, оставив лишь крохотное пятнышко. Он спросил, не надо ли заменить скатерть, но все сказали, что в этом нет необходимости – ведь это всего лишь безобидное молоко.

Молодая женщина заметила, как задумчиво смотрел священник на ее полную грудь, которую сосал ее любовник. Он поигрывал стоявшим перед ним стаканом с водой, скрытно мечтая о чем-нибудь покрепче. Она спросила его, не согласится ли он взять другую грудь и пососать из нее.

– Вы в самом деле не против? – сказал старый священник, тронутый и польщенный. – Не могу не признать, что это весьма соблазнительно.

Он взглянул на мадам Коттен, которая улыбнулась ему в знак согласия.

– Так оно и есть! Да! И потом, мы так много прошли пешком.

Она осушила бокал вина и налила себе еще один.

– Это пойдет вам на пользу. Вода не напиток для мужчины!

Он все еще был полон смущения и сомнений.

– Я действительно этого хочу, – сказала молодая женщина. – Пожалуйста.

И юноша отнял рот от набухшего соска, чтобы сказать:

– Пожалуйста, соглашайтесь. Честное слово, для меня этого слишком много.

Священнику не потребовалось дальнейших приглашений, и вскоре он, донельзя довольный, усердно сосал другую грудь. Молодая женщина откинулась на спинку стула, не менее довольная и успокоенная, и стала гладить густые кудрявые волосы своего возлюбленного и жиденький пушок на голове у священника. Она заметила, что макушка у него загорела на солнце. Поверх их голов она улыбалась тем, кто сидел за соседним столом, – пекарю, его жене и двоим ребятишкам. Они потягивали воду из стаканов. Пекарь долгие годы копил деньги на эту поездку, но все же не мог позволить себе ничего из ряда вон выходящего. Тем не менее он улыбнулся в ответ обуреваемому жаждой квартету.

– Я их не осуждаю, а вы? – обратился он к жене и детям. – Если вы в состоянии позволить себе это, почему не наслаждаться, пока можете?

Зависть, снедавшая его жену, поугасла благодаря аромату жареной утки, блюдо с которой как раз в это мгновение поставили перед ней, и она сдержала едкое замечание, готовое было сорваться у нее с языка, заметив просто:

– Что ж, это прекрасно, когда все вокруг веселы и довольны.

И в самом деле, во всем просторном обеденном зале нельзя было увидеть ни одного печального лица. Казалось, что все одновременно решили, что этот вечер должен возместить им уныние предыдущих обедов. У официантов праздничное настроение выражалось по-своему: они сновали между столов, слегка подпрыгивая в такт музыке и делая вид, что жонглируют подносами. Даже дородный шеф-повар оставил свои печи, чтобы пойти взглянуть, в чем причина всеобщего веселья. Его шумно приветствовали, и он ухмылялся в ответ, утирая пот, струившийся по его круглому лицу. Мадам Коттен встала, прошла через весь зал и вручила ему свой пустой бокал. Она указала ему на друзей, полностью поглощенных своим занятием, и потянула его за рукав. Смущенный и упирающийся, он все же позволил протащить себя через зал, ухмыляясь так широко, что видна была брешь в том месте, где у него отсутствовал зуб. Пока мадам Коттен тянула его к своему столу, все подбадривали его, крича и топая ногами. Женщина с обнаженной грудью улыбнулась и кивнула застенчиво ухмыляющемуся великану, после чего нежно отстранила любовника от своего соска – священник же продолжал умиротворенно сосать, даже не замечая, какие забавные вещи происходят с ним рядом. Молодой человек, вокруг губ которого осталось белое кольцо, улыбкой выразил свое полное согласие, и шеф-повар, ссутулившись, осторожно захватил набухший сосок между большим и указательным пальцами и стал сцеживать из него молоко, подставив бокал. Когда тот наполнился, он торжественно его поднял и одним большим глотком выпил сладкую жидкость. Под благодарственные замечания по поводу его поваренного искусства он, ухмыляясь, прошествовал обратно на кухню, и вращающаяся дверь запахла за ним.

Внимание постояльцев привлек праздничный гомон за большим столом, где сидела семья из восьми человек, перекрывавший даже шум за столом молодых влюбленных. Там в рекордное время опустошались двухквартирные бутылки шампанского; бились бокалы; хрипло провозглашались пьяные тосты; немзыкальные, но очень воодушевленные голоса орали цыганские песни. Прошла молва, что глава семьи, престарелый голландец, почти слепой, взобрался на гору за отелем и вернулся с горной паучьей травкой, названной так из-за того, что растет лишь на высокогорье, в скальных трещинах, доступных одним паукам. Старик увлекся ботаникой уже на склоне лет, и сегодняшняя находка была воплощением его самой заветной мечты.

Услышав об этом, мадам Коттен и молодой человек шепотом обменялись несколькими словами и подозвали официанта. Тот подскочил к их столу, весь внимание, а потом столь же проворно бросился к столу голландцев с их приглашением. Едва он успел его изложить, как те сразу же вскочили со стульев и поспешили через зал, чтобы воспользоваться любезным предложением. Когда же они осушили свои бокалы или утолили жажду прямо из ее груди, к очереди присоединились и другие улыбающиеся, веселые постояльцы. Оркестранты тоже

потребовали дать им освежиться. И даже Фогель, ни на миг не утратив высокомерного и скучающего выражения, как бы говорящего: что ж, раз уж я здесь, придется присоединиться к вашему стаду, – подошел и немного пососал из груди. Вернувшись к сестре, он с саркастической усмешкой вытер молоко с губ.

Солнце, неожиданно снизившись, как бы намазало маслом деревья, видневшиеся за французскими окнами, и все посерьезнели. Священник, насытившись, оторвался от соска и поблагодарил ее; теперь сердце у него сжималось от боли при воспоминании о матери, при мысли о своей вине перед ней, живущей так далеко, в родной Польше, – и в такой бедности и одиночестве. Он печалился также и о том, что нарушил обет воздержания. Ему надо было приготовиться к поминальной службе по тем, кто погиб при наводнении и пожаре. Он намного больше был расположен вздремнуть, но долг требовал исполнения. Поднявшись, он огляделся в поисках пастора: им предстояло разделить обязанности. Молодая женщина застегнула платье.

Она чувствовала, как под столом ее касается ладонь любовника. Они выпили слишком много, и у нее кружилась голова. Ее любовнику и мадам Коттен пришлось поддерживать ее, когда они медленно выходили из обеденного зала. Она возражала, говоря, что прекрасно доберется сама, а мадам Коттен пусть идет по лестнице первой – ведь ей надо одеться для похорон. Но мадам Коттен сказала, что не пойдет. Она не сможет этого видеть.

В спальне мадам Коттен раздела молодую женщину и осторожно уложила ее на постель. Любовник ухитрился ввести в нее член, еще когда они с трудом ковыляли по лестнице, и теперь мадам Коттен оставила на ней корсет и чулки, чтобы не прерывать их соития. Молодая женщина смутно различала пение плакальщиц, отправлявшихся на кладбище, и мирно лежала, наслаждаясь лаской. Глаза у нее были закрыты, но она почувствовала, как он взял ее руку и, направляя ее, слегка втиснул ее пальцы во влагалище рядом со своим членом. Помимо нежных прикосновений ногтя молодой женщины он ощутил жесткость обручального кольца мадам Коттен. «Оно всегда помогало мне. С ним – хоть в игольное ушко», – шепнула мадам Коттен, и молодая женщина пробормотала, что хорошо ее понимает: ее собственное обручальное кольцо часто выручало ее в горе, и она до сих пор не любит снимать его с пальца.

Тела погибших уложили на телеги, и некоторое время было слышно, как они грохочут среди сосен, а потом стало тихо. Молодая женщина ощутила пустоту в том месте, где была наиболее заполнена, и сонным голосом попросила добавить туда чего-нибудь еще. С трудом разлепив веки, она стала смотреть, как мадам Коттен и ее любовник страстно целуют друг друга.

Тропа, шедшая вдоль берега к горному кладбищу, была очень длинной, а священник сегодня уже проделал пешком весь этот путь. К тому же он ощущал тяжесть в ногах после еды и обильного питья. Очевидно, остальные чувствовали то же, что и он, и вскоре устали от пения похоронных гимнов. Все молчали, слушая, как колеса телег скрипят по песчаной тропе.

Священник нерешительно вступил в разговор с пастором. Ему впервые приходилось так долго говорить со служителем другой веры; но, думал он, с кем не поведешься в беде. Беседа оказалась интересной: речь шла о доктрине. По крайней мере, они соглашались друг с другом в том, что любовь Божья не поддается анализу. Она простирается сплошным целым, без стыков и швов, пронизывая все, что Он создал. Вскоре от усталости у них начали заплетаться языки – пастор тоже был далеко не молодым человеком, – и они оставили разговор, чтобы поберечь силы. Мысли священника вновь обратились к той груди, которую ему довелось сосать. Он пытался припомнить ее округлость и теплоту. Он думал также о мадам Коттен, которая во время их сегодняшнего похода дала ему такой хороший совет относительно томившего его чувства вины.

Освободив пышную плоть мадам Коттен от китового уса, который после обильного обеда глубоко в нее врезался, двое ее юных друзей принялись щекотать ее и пощипывать, а она металась, вскрикивала и смеялась, пытаясь вырваться из их рук. Она сглула сказала им, что боится щекотки, и теперь они могли делать с ней все, что угодно. Она не могла противостоять сильному молодому человеку, даже если не учитывать молодую женщину, тоже навалившуюся на нее. Один или два раза она чуть было не освободилась и не соскочила с кровати, но всякий раз юноша погружал свой большой палец в ее самое нежное место – внизу живота – и ей приходилось покоряться, откинувшись на спину и задыхаясь. Затем, когда она ослабела и утратила контроль над собой, они схватили ее за бедра и широко их раздвинули, а она визжала и опять вырывалась, заходясь от смеха, когда ей щекотали ступни. Юноша оказался у нее между бедер и собственным ртом прервал ее крики, так что ей, чтобы получить возможность дышать, пришлось пообещать быть пайнкой и позволить ему это сделать. Она задышалась и смеялась, уже более спокойно, а потом смех сменился быстрыми вздохами, и губы ее то нежно улыбались, то соединялись с его губами в кратких, беглых поцелуях.

Не обращая внимания на сильный ветер, треплющий полы его шинели, майор Лайонхарт вспоминал о всех других братских могилах, над которыми ему довелось стоять, и о всех письмах с соболезнованиями, которые пришлось написать. Когда краски на небе стали тускнеть, а свет дня – меркнуть в тени, отбрасываемой горой, ему показалось, что он различил апельсиновую рощу, медленно падавшую в озеро, а затем – розы. Впечатленный увиденным, он решил упомянуть об этом на следующем собрании, которое планировал провести следующим вечером. Розы, которые он видел, до странности походили на ту розу, что привиделась престарелой сиделке. Прежде он не придавал особого значения ее словам – она была чересчур близка к старческому слабоумию. Ему было жаль тихую, грустную, очаровательную девушку, которая была на попечении у этой старухи. Но, может быть, она *действительно* видела розу на закате? Горная паучья травка – это тоже непонятно. Отец Марек обратился к цепочке застывших, закоченевших плакальчиков, а майор стал думать о подтянутом молодом лейтенанте, своем племяннике, – он должен был приехать завтра первым поездом. Они как следует покатаются на лыжах. Там, выше, – его излюбленный лыжный склон.

Вселенная, размышлял Болотников-Лесков, – это революционная ячейка, включающая в себя только одного члена: самое совершенное число для безопасности. Бог, если бы Он существовал, стиснул бы зубы под самой жестокой пыткой, но ни одного предательского слова не сорвалось бы с Его уст – Ему было бы некого предавать, Он ничего бы не знал.

Лишь вполуха внимая бормотанию священника, он с достойным удивления бесстрашием смотрел вниз, на крышку гроба, лишавшую возможности видеть наивную молодую женщину, ревностно разделявшую его взгляды; она была настолько преданной делу, что частенько пыталась поговорить с ним о грядущем золотом веке даже в минуты любовных утех.

У кошек, размышлял Энрико Мори, скрипач, нет никого, кто мог бы прочесть над ними слова утешительной лжи. Кошки знают, что нет никакого воскрешения, есть только перевоплощение в мою музыку. Он гладил по голове черную кошку, следовавшую за ними от самого отеля. Сейчас она, мурлыча, возлежала на руках у проститутки, страдавшей от рака. Он знал, что она проститутка, потому что однажды, будучи студентом консерватории в Турине, воспользовался ее услугами. Они узнали друг друга в первый же вечер, и шлюха, вспыхнув, отвела глаза в сторону.

В своем обращении отец Марек говорил о Плащанице Христа, запятнанной Его кровью. Чудотворный лик рек: уверуйте в Меня, для вас Я вынес тьму и холод могилы. Мори отметил, что пастор, стоящий возле священника, чувствует себя неуютно. Конечно, подумал он, ему не по вкусу эти разговоры об идолах.

Когда пастор, приступив к своей службе, начал читать протестантскую заупокойную молитву, Мори взглянул вниз и направо, туда, где лежал крохотный гробик. Рыдающие родители бросали вниз цветы. Мори знал эту девочку всего несколько минут: она спросила, нельзя ли ей попробовать сыграть на его скрипке. Но за эти несколько минут они подружились, и он был потрясен, узнав, что она умерла от ожогов.

Тем не менее он позабавился, когда черная кошка спрыгнула с рук проститутки и выпустила вниз по тропе так, словно за ней гнались семеро чертей. Вскоре она пропала из виду на тропе, ведущей к отелю. Спешит на вечерню, подумал Мори, – как раз начали звонить колокола церкви, расположенной позади и чуть выше отеля. Звон невнятно доносился с того берега, и одинокий рыбак, удививший посреди озера, принялся стаскивать с себя шляпу. Мать маленькой девочки осела на землю, и, словно по команде, другие женщины в цепочке тоже стали падать в обморок. Вот в чем беда с этими смешанными похоронными службами, подумал Мори: они длятся слишком долго и чересчур напрягают нервы.

Громовый раскат ударил им в уши, и Лайонхарт, взглянув вверх, сразу же понял, что пришел конец. В свое время ему доводилось слышать даже более мощные удары грома – и все же ускользать, оставаясь целым и невредимым; но сейчас пути к спасению не было. Пик горы подтаял, и огромные валуны с грохотом неслись вниз по склону. Плакальщики разразились гимном, и какое-то мгновение казалось, что их пение удерживает валуны в воздухе. Земля разверзалась под ногами.

Молодая женщина видела, как участники похорон один за другим падали в расщелину, словно их, одного за другим, поражало невыносимое горе. Она видела, как они слабо подергивались, а затем земля и обломки скал погребли их под собой. Темнота в этот вечер наступила внезапно, и они улеглись, прислушиваясь к тишине, опять воцарившейся после удара грома. Холодный в тени вершины, воздух вокруг белого отеля был по-прежнему теплым, и они оставили окно открытым. Озеро выпило солнечный свет одним глотком, а луна на место солнца не заступила. Всем хотелось пить, и молодой человек позвонил горничной. Маленькая японка вздрогнула, увидав три головы на одной подушке, а они посмеивались над ее недоумением. Она принесла литровую бутылку вина и три бокала.

Крепкое вино снова их оживило. Опыт, который они проделали, для каждого был внове, и они радостно его обсуждали. Мадам Коттен была счастлива видеть, что привязанность молодых любовников друг к другу не ослабела: они целовались и игриво пощипывались.

Мало того что их любовь не ослабла, этот опыт ее укрепил; по крайней мере, так считала молодая женщина. Щедрость всегда вознаграждает дающего, и их доброта к одинокой, понесшей тяжелую утрату женщине сблизила их еще больше. Так что она была счастлива. И ее любовник тоже был счастлив: ему было так уютно лежать между ними – аппетитному куску мяса между двумя ломтиками свежего хлеба. Он выпил, прикурил турецкую сигарету и вручил ее мадам Коттен; прикурил сам, затянулся, с наслаждением выдохнул дым, после чего повернулся, чтобы нежно поцеловать свою любовницу.

Мадам Коттен завидовала их крепким молодым телам, памятуя о том, что ей тридцать девять и ее лучшая пора давно миновала. А церковные колокола, звучавшие так, словно звонили в комнате наверху, сделали ее еще печальнее. Возможно, лучшее, на что она может надеяться в дальнейшем, – это несколько быстротечных приключений вроде сегодняшнего, но по большей части ее ждет одиночество. Она взяла бутылку, чтобы налить себе еще один бокал, но вино перестало литься, когда бокал был полон лишь наполовину.

– И это все, что здесь есть? – спросила она извиняющимся тоном.

– Это все, о чем мы знаем, – задумчиво сказала молодая женщина. – Это все, в чем мы можем быть уверены. По-настоящему уверены.

Поскольку с вином было покончено, молодой человек принялся ласкать полные, хотя и довольно-таки дряблые груди мадам Коттен. Разъединив ее бедра, он снова на нее взо-

брался. Молодая женщина предложила ей свой сосок: вино пошло в молоко, и ее груди опять переполнились и болели. Та благодарно приняла его в рот. В это же время он стал сосать ее собственную грудь, и круг наслаждения почти замкнулся. Молодой человек был очень возбужден, эрекция у него достигла небывалой величины, и он так сильно вонзился в мадам Коттен, что та застонала, сжимая зубы, и прокусила молодой женщине грудь, после чего ей уже пришлось сосать смешанную с молоком кровь. Лишь много позже мадам Коттен оделась и пошла обратно в свою комнату. В отеле было темно и тихо.

Дремавшего портье разбудил звонок среди ночи. За дверью оказались Болотников-Лесков и Фогель; они скользнули внутрь и предстали изнуренными, растрепанными и грязными. Каждый из них заказал себе в номер по полному кофейнику, двойному бренди и тарелке с бутербродами, а на утро – свои обычные газеты. Расставаясь на втором этаже с Фогелем, Болотников-Лесков кратко пожелал ему доброй ночи. Ему никогда не нравился этот субъект, но в жизни они придерживались одних и тех же принципов. К тому же Фогель, как и он сам, принадлежал к тем, кто выживает, а такие люди ст`ят тысячи гибнущих праведников.

К исходу следующего дня он не находил себе места и предложил выбраться из постели и походить по горам. Она была утомлена и предпочла бы небольшую прогулку вдоль озера, может быть, вместе с мадам Коттен. Но он имел в виду вылазку более основательную и только вдвоем.

Он позвонил в колокольчик, призывая горничную принести чай и раздвинуть шторы. Приспособившись к солнечному свету, молодая женщина заметила, что у малышки-японки заплаканные глаза. Она спросила, в чем дело, и горничная рассказала ей о сокрушительной лавине, которая погребла всех, кто участвовал в похоронах. Она была очень расстроена, потому что питала растущую привязанность к майору-англичанину, оказавшемуся в числе жертв. К ее удивлению, выяснилось, что ему приходилось бывать на ее родине и он даже немного говорил по-японски. Он ожидал приезда своего племянника, армейского лейтенанта, а пока жил один и часто приглашал ее на прогулки – в те часы пополудни, когда она бывала свободна. Он очень интересовался ее занятиями и во всем проявил себя как добрый и понимающий друг. Ей будет не хватать его.

Благодарная молодой женщине за сочувствие, горничная, извинившись, на минутку отлучилась и вернулась, прижимая к сердцу тоненькую книжку, которую, по ее словам, майор вручил ей только вчера, во время их последней прогулки. Молодая женщина взяла книжечку и на незамысловатой обложке прочла: «*Таволга* Стихотворения Гарольда Лайонхарта». Она быстро пробежала двадцать или около того коротких стихотворений и вернула книжку с сочувственным кивком.

– Это поможет вам помнить о нем.

Горничная, чьи глаза увлажнились от слез, раскрыла книжку на титульной странице и протянула ее обратно. Молодая женщина увидела несколько стихотворных строк, каллиграфически выписанных, и подпись: «С любовью, от майора Гарольда Лайонхарта». Горничная объяснила, что прочла ему несколько маленьких стихотворений, которые учитель велел ей написать во время каникул. И вот вчера, когда она принесла ему утренний чай, он подарил ей эту книгу со своим переводом ее стихов на первой странице! Она была так тронута, что расплакалась. Молодая женщина прочла каллиграфические строчки:

*С закатом даже
косточка сливы может
мир сделать алым.*

*Слива, готовясь
к браку с быком, предвидит*

и боль, и радость.

*Словно кусаешь
сливу до косточки – страсть
этого часа.*

*Слива созрела —
лебедь летит. Ты рядом —
и сердце поет.*

Тропа, начинавшаяся позади отеля и шедшая в гору, крутая и каменистая, извивалась среди лиственниц и сосен. Сначала они шли, обняв друг друга за талию, но когда тропа сузилась и стала круче, он пропустил ее вперед. Для горного восхождения она была совершенно неподходяще одета, но это было ее единственное платье. Было убийственно жарко, она вспотела, и платье прилипало к ягодицам и бедрам. Время от времени он не мог удержаться от соблазна скользнуть ладонью в щель между ее ног. Они добрались до прохладной, покрытой травой террасы, где между тисов уютно устроился церковный шпиль. Когда они остановились, чтобы отдышаться, он обвил руками ее талию и повернул ее лицо так, чтобы иметь возможность целовать ее в шею и в губы. Затем потянул ее вниз, на ошипанную траву.

– Кто-нибудь может прийти, – прошептала она, когда он рывком задрал ей платье до талии.

– Неважно, – сказал он. – Я хочу тебя. Пожалуйста. Ну пожалуйста.

Ослик на привязи щипал короткую траву, накручивая веревку на столб ограды и тем самым делая свои владения все меньше и меньше. Он принадлежал ордену монахинь, которые жили и служили Господу в монастыре, пристроенном к церкви. Любовники не знали о том, что старая, сгорбленная монахиня, прихрамывая, вышла из монастыря с корзиной белья для стирки, – рядом с тем местом, где они лежали, протекал ручей. Им показалось, что они слышат шум скал, падающих сверху, а оказалось, что это старуха-монахиня колотит грязную одежду крепкой палкой.

Смущенная молодая женщина выскользнула из-под любовника и стала суетливо опускать платье. Старуха на миг перестала колотить белье и обратилась к ним с беззубой улыбкой:

– Не волнуйтесь. Знаете, здесь у нас ни в чем не бывает греха – благодаря этому ручью. Выпейте из него перед уходом. Но только не торопитесь. Жаль, что я вам помешала. Я скоро уйду.

Она пояснила, что монахиням потребовалось свежее белье для заупокойной службы по отцу Мареку и другим католикам, погибшим при сходе лавины. Она набожно перекрестилась.

Любовники вернулись к своим прерванным утехам, снова приостановив их, чтобы улыбкой поблагодарить монахиню, когда та пожелала им удачного дня и уковыляла прочь с тяжелой корзиной влажного белья. Потом они, складывая ладони лодочкой, напились из ручья. Вода была холодна как лед и очень освежала. Очищая одежду от травы, они взглянули на озеро и поразились его цвету – оно было красным, как наисочнейшая из слив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.